

всепи́рная исто́рия в рома́нах

Виталий ГЛАДКИЙ

МАРКИТАНТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Всемирная история в романах

Виталий Гладкий

Маркитант Его Величества

«ВЕЧЕ»

2017

Гладкий В. Д.

Маркигант Его Величества / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4444-9274-1

На долю героя романа выпало немало приключений. Юрий Кульчитский, русский юноша, надолго попадает в плен к туркам, потом его выкупают сербские купцы и он отправляется переводчиком в Вену как раз в тот момент, когда турки в 1683 году осаждают столицу Священной Римской империи. Проявив необычайную храбрость и смекалку, юноша пробирается из осажденной Вены в расположение армий австрийских союзников и приводит их на помощь городу.

ISBN 978-5-4444-9274-1

© Гладкий В. Д., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Об авторе	6
Избранная библиография В.Д. Гладкого:	8
Маркигант Его Величества	9
Пролог. Конюшни султана должны быть в Риме!	9
Глава 1. Невольник	14
Глава 2. Алексашка	22
Глава 3. Сербский купец	32
Глава 4. Гишпанец	41
Глава 5. Шпион поневоле	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виталий Гладкий

Маркигант Его Величества

© Гладкий В.Д., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Об авторе

Виталий Дмитриевич Гладкий

Виталий Дмитриевич Гладкий родился 26 апреля 1947 года в селе Ярошовка на Сумщине (Украина) в казачьей семье. Он прямой потомок последнего кошевого атамана Задунайской Сечи и наказного атамана Азовского казачества Йосипа Гладкого. Отец, Дмитрий Николаевич, прошел Великую Отечественную войну от ее начала и до Победы. Ранения и перенесенные им тяготы военного времени не дали ему прожить долгий век. Он умер в 1955 году, на тридцать восьмом году жизни, оставив на руках жены, Екатерины Григорьевны, восьмилетнего сына и двухмесячную дочь.

Война вообще оставила на семье В. Гладкого глубокие, кровоточащие зарубки. И не только Вторая мировая, но и Первая, 1914 года. Перед самой революцией в разведывательном поиске погиб прадед, гренадер-пластун, георгиевский кавалер. А в 1945 году погиб дед по материнской линии.

К труду Виталий Дмитриевич приобщился рано. Сначала пас общественное стадо, затем – колхозных лошадей, а в двенадцать лет уже работал наравне со взрослыми: косил сено, возил зерно телегами на ток, строил дом и даже был помощником комбайнера.

Учился в основном на «отлично». По окончании восьми классов (1961) поступил в Глинский индустриальный техникум, который окончил спустя пять лет с дипломом техника-горняка. Затем поступил на вечернее отделение Донецкого политехнического института. Защитив диплом, ушел в армию. Служил авиационным техником в Красноярском крае.

Отслужив, вернулся в Донецк. В 1973–1978 годах трудился на заводах Донбасса, пока не уехал на Колыму. Кто был на Крайнем Севере, тот никогда не забудет этот период своей

жизни. Суровая природа не любит изнеженных обывателей. А Виталий Дмитриевич к таким и не принадлежал, поэтому прижился на Колыме легко и безболезненно. Работал газосварщиком на заводе по ремонту бульдозеров в городе Сусумане, штукатуром-маляром, плотником, бетонщиком, трудился в старательской артели, работал художником-оформителем и охотником-промысловиком. Строил мосты, промышленял белку и горностаю, оформлял интерьеры ресторанов и кафе, мыл золото... Пробыл он в районах Крайнего Севера восемь с половиной лет.

Свою писательскую деятельность начал на Колыме в 1979 году. Первый его рассказ назывался «Колымская быль». Он был напечатан в районной газете «Горняк Севера». Позже, уже по приезде домой, в московском издательстве «Молодая гвардия» был издан сборник рассказов В. Гладкого о Крайнем Севере под названием «Жестокая охота». Большею частью это автобиографические повествования о его приключениях в колымской тайге, пропущенные через жернова писательского восприятия.

В 1980 году в областной газете «Магаданский комсомолец» выходит первая повесть Виталия Дмитриевича под названием «Оборотни», через год там же публикуется повесть «По следу змеи», потом в течение последующих двух лет выходят в свет повести «Плацдарм», «Золотая паутина», роман «Архивных сведений не имеется». Все эти вещи печатались в периодике, в журналах «Искатель», «Советская милиция», в «Воениздате» (серия «Сокол»), в различных сборниках и в дальнем зарубежье. В своих произведениях Виталий Дмитриевич часто описывает единоборства и прочие штуки подобного рода. И это вовсе не случайно. Спорт в юности был частью его жизни. Он занимался боксом, вольной борьбой, каратэ, был хорошим стрелком. Острый, динамичный сюжет и тщательно выписанные характеры героев – главная отличительная черта романов В. Гладкого.

По возвращении из районов Крайнего Севера долгое время возглавлял издательство «Отечество». Виталий Дмитриевич основал всеукраинскую литературную премию имени М. Старицкого за лучший исторический роман. Он и сам лауреат премии имени В. Короленко. Издано свыше пятидесяти романов В. Гладкого, общий тираж которых вышел за пределы 8 миллионов.

Виталия Дмитриевича всегда привлекала историческая тематика. Он является автором трех энциклопедических словарей: «Древний мир» (1997), «Славянский мир» (2001) и «Словарь нумизмата» (2006). Кроме того, им написано девятнадцать исторических и историко-приключенческих романов. И первым из них был «Меч Вайу», роман о скифах, над которым, как ни удивительно, он начал работать в семнадцать лет.

У Виталия Дмитриевича трое детей – сын и две дочери.

Избранная библиография В.Д. Гладкого:

- «По следу змеи» (1988)
- «Меч Вайу» (1997)
- «Басилевс» (1997)
- «Тайна розенкрейцеров» (2004)
- «Ушкуйники» (2012)
- «Ассасины» (2012)
- «Тень Торквемады» (2012)
- «Ученик алхимика» (2017)
- «Повелители волков» (2015)
- «Хорт – сын викинга» (2017)
- «Маркитант Его Величества» (2017)

Маркитант Его Величества

Пролог. Конюшни султана должны быть в Риме!

Приятно взволнованный Мерзифонлу Кара-Мустафа-паша, великий визирь турецкого султана Мехмеда IV, смотрел на огромную армию, широким разноцветным потоком текущую мимо возвышенности, на которой расположился ее главнокомандующий. Войска все шли и шли, и не было им ни конца, ни края: сипахи – тяжелая панцирная кавалерия, легкоконные акынджи, всего сорок тысяч, около тридцати тысяч пеших янычар под командованием визиря Бекри-Мустафы-паши. Боснийские левенды и албанские арнаулы, кровожадные головорезы, которых не было смысла даже считать. Кто считает баранов, предназначенных на убой? Шесть тысяч молдаван господаря Дьёрдя Дуки и столько же валахов Сербана Кантакузино, тридцать тысяч пехотинцев из Румелии¹ под командованием бейлербея² Кючук-Хасан-паши и шестнадцать тысяч из Анатолии под командованием бейлербея Ахмед-паши, двадцать тысяч крымских татар хана Мюрад-Гирея, пятнадцать тысяч венгров графа Имре Тёкели, а также множество мелких отрядов других правителей эйялетов³ Османской империи. . . Более двухсот тысяч солдат! Видит Аллах, с такой армией и впрямь можно дойти до Рима!

Тут ему на ум пришли слова реис-уль-кюттаба, начальника писарей дивана⁴ Лаз-Мустафы. «Конюшни султана должны быть в Риме!», – змеем-искусителем неоднократно нашептывал ему реис-уль-кюттаб, ближайший советник великого визиря. Возможно, хитроумный Лаз-Мустафа был прав. . . Изначальным указанием султана, которое должен был исполнить Кара-Мустафа-паша, было взятие Яварина⁵ и овладение подвластной Габсбургам частью Венгрии, чтобы потом передать ее в подчинение вассалу Османской империи Имре Тёкели. Таким образом, тот стал бы королем обеих частей венгерского королевства Иштвана I Святого – турецкой и императорской. Поэтому султан Мехмед заблаговременно присвоил ему титул короля куруцев, венгерских мятежников, хотя сам Имре Тёкели называл себя скромнее – всего лишь регентом Венгрии.

Но под Секешфехерваром Кара-Мустафа неожиданно изменил планы, и во время пира, который одновременно был и большим советом, объявил своему штабу:

– Нашей целью было завоевание Яварина и замка Комаром. Уже понятно, что с такой сильной армией взять их будет нетрудно, но достанутся нам только замки. . . или их развалины, а не страна. Поэтому, я хочу, если Аллах позволит, пойти на Вену! Что скажете на это?

Конечно, великий визирь, сам прожженный дворцовый интриган, хорошо знал, что Лаз-Мустафа – большой лстец. Но уж больно заманчивую картину будущего нарисовал ему реис-уль-кюттаб.

– Не слушай, мой господин, что тебе говорят другие! – твердил Лаз-Мустафа великому визирю. – Ты имеешь право поступать по собственной воле, ты же свет, посланный Аллахом, и сияющий все сильнее. Такого войска ни один король не имел, и даже сам Искандер Великий не достигал таких вершин и такого великолепия. Однако, что такое этот Яварин? Замок

¹ Румелия – историческое название Балкан. Этимология слова происходит от арабского названия Восточной Римской империи (Византия) – Рум (Рим). Первоначально Румелией называли европейские владения Османской империи.

² Бейлербей – военно-административный начальник крупной провинции (эйялета, или бейлербейлика), командующий ее войсками. Бейлербеи подчинялись санджакбеи.

³ Эйялет – административно-территориальная единица, провинция в Османской империи в XVI–XVIII вв.

⁴ Диван – совещательный орган в султанской Турции, состоявший из высших сановников.

⁵ Яварин – город Дьёр; важнейший город северо-западной Венгрии, расположенный на полпути между Будапештом и Веной. Стоит в месте впадения реки Рабы в Дунай.

когда-то принадлежал нам, и земли вокруг него – наши земельные наделы во владении гази⁶, которые стоят на страже этого оберегаемого Аллахом пограничья. Конечно же мы его добудем, но получим только голую крепость, и все наши усилия и труды уйдут впустую. Но если ваши благословенные стопы уже покрыты придорожной пылью, то, может, стоит направить наши поводыя прямо на Вену, столицу Священной Римской империи? И да позволит вам Аллах всевышний завоевать и покорить эту землю быстрее, чем требуется, чтобы выпить глоток воды...

Кара-Мустафа-паша внимал речам льстеца с невозмутимым видом. Он не верил никому и ничему, иногда даже своим мыслям, которые прятал не только от окружающих, но даже от себя самого. Потому и достиг сияющих высот в Османской империи, несмотря на свое незнатное происхождение. Он родился в 1634 году в Мерзифоне в простой турецкой семье от матери-гречанки и был усыновлен могущественным родом Кёпрюлю, имевшим албанские корни. Кара-Мустафа стал садразамом – великим визирем – в сорок один год, заменив на этом посту скоропостижно скончавшегося Фазыл-Ахмед-пашу, своего сводного брата.

Великий визирь размышлял: свои ли соображения выкладывает ему Лаз-Мустафа? Ведь реис-уль-кютаб должен понимать, что значит пойти против воли султана. Но вот в чем вопрос – уж не сам ли султан намекнул начальнику писарей дивана о своем желании завоевать Священную Римскую империю? И что начать нужно не с каких-то незначительных крепостей, а с Вены?

Вполне возможно Лаз-Мустафа общается с Мехмедом гораздо чаще, чем остальные придворные. Султан особо любил две вещи – издавать свои многочисленные фирманы (он считал себя правителем, отмеченным печатью великой мудрости) и охотиться, за что получил прозвище Авджи (Охотник). Впрочем, Мехмед был удачлив не только на охоте, но и на воинском поприще. В 1672 году султан лично возглавил войско и двинулся на Польшу. Четыре года кровопролитных сражений и мирных переговоров привели к тому, что Речь Посполита оставила за Османской империей Подолье. Кроме того, Мехмед нашел сильного союзника в лице гетмана Дорошенко, который за поддержку османской армии пообещал султану подвластные казакам обширные территории.

Кара-Мустафа-паша знал, что на самом деле султан давно и тщательно готовит решающий бросок на Запад. И овладение столицей Австрии давало бы османам неоспоримое моральное преимущество. К тому же систематическая поддержка некаатолических религиозных меньшинств в Венгрии начала приносить плоды – против Габсбургов выступила протестантская шляхта во главе с Имре Тёкели. Уж не по этой ли причине султан Мехмед вручил ему зеленое знамя пророка, как символ джихада – священной войны против неверных?

Великий визирь вспомнил, как начинался поход. Тринадцатого марта всех визирей, собравшихся возле шатра султана, одели в собольи шубы, крытые парчой, а чины, низшие рангом, получили красивые кафтаны. На другой день султан подарил Кара-Мустафе двух коней – одного с упряжью, другого неоседланного, а военачальникам – по одному коню. Большой военный парад состоялся 22 марта в Адрианополе⁷. Между монаршими воротами и дворцом султана в две шеренги построились закованные в голубые доспехи сипахи, отряды янычар и других родов войск. Мехмед был в тюрбане, к которому прикололи большой монарший султан из перьев, на его плечи набросили соболью мантию, шитую белой парчой, а у пояса висели усыпанные драгоценностями сабля и колчан. К войску он выехал вместе со своим старшим сыном Мустафой, на котором блистали украшенные драгоценными камнями шлем и панцирь, накрытый кашемировой шалью с золотыми кистями.

⁶ Гази – название вольных воинов-добровольцев.

⁷ Адрианополь – город в Древней Фракии, находившейся на востоке Балкан. С 1362 года захвачен турками-османами, сейчас город Эдирне в Турции.

Вручая великому визирю знамя пророка, султан так выразительно посмотрел ему в глаза, что Кара-Мустафа-паша даже невольно поежился. Во взгляде повелителя правоверных он прочитал и некоторую неуверенность, и опасения, и жесткую сосредоточенность, несвойственную султану. Создавалось впечатление, что Мехмед хочет сказать ему что-то назидательное, что-то приказать или подсказать, но почему-то сдерживается. Эта недосказанность мучила великого визиря всю дорогу до Секешфехервара⁸. И только разговор с Лаз-Мустафой наконец снял пелену с его глаз и расставил все на свои места.

Ну, конечно же, как он мог быть таким глупцом?! Султан намеревается начать завоевание Священной Римской империи, для начала взяв ее столицу и главный форпост – Вену. Но намерение станет желанием только тогда, когда появится возможность. В случае удачи Мехмед въедет в Вену на белом коне, а если что-то пойдет не так, или (не приведи Аллах!) случится поражение, то все шишки повалятся на великого визиря, который ослушался высочайшего повеления и самовольно изменил план военной кампании. Хитро придумано! Ай да Авджи! Он и впрямь далеко не такой наивный и ветреный, как кажется со стороны...

Кара-Мустафа-паша встрепнулся и начал слушать Лаз-Мустафу более внимательно.

– ...Если Вена покорится вам, то вы овладеете несметными богатствами. Замок Пожонь, где хранится венгерская корона, вы отдадите Имре Тёкели, предварительно короновав его... – Вкрадчивый голос реис-уль-кюттаба журчал как весенний ручей. – Он возьмет под свою власть семь королей и станет вашим смиренным подданным. Вы же будете в наивысшем блаженстве наслаждаться миром. В Венгрии образуется множество новых земельных наделов и обществ с благочестивыми и милосердными целями, и тогда вы будете собирать такие же суммы, как и те, что взимаются с Египта. Люди будут видеть, как вы умножаете казну нашего пресветлого султана, и станут говорить о вас в этом убогом мире с почтением и похвалой!

После этих слов начальника писцов дивана по всему телу великого визиря разлилось благодатное тепло. Хитрый реис-уль-кюттаб зацепил главную струнку в душе Кара-Мустафы-паши – он был жаден до неприличия и тащил в свою личную казну все, что плохо лежало. Наверное, причиной тому послужило его полунущенное детство, когда он часто засыпал голодным. Теперь в его распоряжении находились все богатства рода Кёпрюлю (они были весьма внушительны), но ему казалось, что этого мало. А захват Вены и впрямь мог изрядно пополнить его сокровищницу...

На какой-то миг Кара-Мустафа-паша отключился от созерцания своего шумного воинства и очутился в полной тишине – подобно той, что наступила во время пира, когда он объявил о намерении вести армию на Вену. Для военачальников это сообщение прозвучало как гром среди ясного неба. Все застыли в огромном напряжении, и никто из бейлербеев не торопился с ответом на заданный великим визирем вопрос. Когда же раздраженный долгим молчанием Кара-Мустафа спросил, почему они ничего не говорят, Сари-Хусейн-паша, бейлербей Дамаска, с преувеличенной бодростью ответил:

– Ваше дело отдавать приказы, наше – выполнять!

Военачальники облегченно вздохнули и дружно поддержали Сари-Хусейна-пашу. Великий визирь довольно огладил бороду, милостиво улыбнулся, и пир пошел дальше своим чередом.

Но, как говорится, в семье не без урода. Хан Мюрад-Гирей, а за ним и бейлербей Буды Ибрагим-паша, мнение которых спросили после окончания совета (куда они не были приглашены), неожиданно запротестовали. Шурин самого султана, старый и храбрый наместник Буды, известный своим благородным характером, стоял на том, что сначала нужно взять в осаду Яварин, а в глубь Австрии послать татар, которые мгновенно превратят территорию врага в руины. Тогда император быстро согласится на все условия мира, выставленные ему Турцией.

⁸ Секешфехервар – крупный венгерский город, основан в 972 году, Расположен между озером Балатон и Дунаем.

Поход на Вену, когда в тылу османской армии оставались многочисленные австрийские крепости, он считал чрезвычайно рискованным предприятием. Великий визирь был оскорблен этим выступлением Ибрагим-паши, и в глубине души поклялся отомстить ему, дождавшись какого-либо промаха с его стороны.

Более крупный разговор предстоял ему с крымским ханом. Мюрад-Гирей также считал, что вначале нужно взять Яварин и Комаром, послать часть войск на опустошение австрийских земель, и, перезимовав с армией в приграничье, в следующем году завладеть разоренными землями. Он предостерегал великого визиря в отношении немецкого короля, который носил титул императора, верховного властителя христианских государств; наступление на его столицу может привести к тому, что даже те гяуры⁹, которые ведут с ним войну, поспешат к нему на помощь. Такого же мнения был и Ибрагим-паша.

Но так как остальные военачальники приняли план Кара-Мустафы без какого-либо сопротивления, решение о походе на столицу Австрии было советом одобрено. Тем не менее мстительный визирь не простил хану его выступления и в мыслях строил планы лишить Мюрад-Гирея трона, хотя официально никак не проявлял к нему своего нерасположения.

Великий визирь послал султану сообщение об изменении стратегического плана только тогда, когда приказал строить мосты на Рабе. Конечно же этим он вызвал сильное недовольство Мехмеда, что решение было принято без уведомления и без его высочайшего согласия.

«Нашей целью были замки Яварин и Комаром, а о Вене даже речь не шла! – сердито сказал султан в присутствии большого количества придворных. – Удивительно безрассудный шаг совершил Кара-Мустафа-паша, дав увлечь себя этой прихоти... Но теперь пусть Всевышний поможет ему! Во всяком случае, дай он об этом раньше нам знать, я бы на такие изменения плана кампании не согласился».

Когда великому визирю верные люди донесли слова султана, он снисходительно улыбнулся: «Ай да Авджи, ах, хитрец!» Вовремя умыть руки – большое достоинство умного повелителя. Кара-Мустафа остался доволен собой; он все-таки проник в потаенные мысли Мехмеда. И все благодаря Лаз-Мустафе. Что ж, реис-уль-кюттаб получит после победы достойное вознаграждение из трофеев...

Седьмого июля главные турецкие силы двинулись на Вену вслед за татарами, которые упорно преследовали отходящих австрийцев, нанося им значительные потери. Возле Яварина остался сильный корпус под командованием Ибрагим-паши, которого Кара-Мустафа постарался удалить из своего лагеря, чтобы тот снова не выступил против его приказаний. Однажды дошло до того, что разъяренный словами паши великий визирь воскликнул: «Верно говорят люди, что когда человек перешагнет семь десятков лет, ума у него уже нет и он глупеет!»

Отстраненные от реальности раздумья Кара-Мустафы-паши прервали музыканты. Дервиши, всегда сопровождавшие янычарские полки, устроили сводный оркестр, и рев пяти-сот труб, казалось, разбил голубой хрустальный небосвод вдребезги, и его осколки посыпались прямо ему на голову. Великолепный арабский конь великого визиря от неожиданности всхрапнул и попытался встать на дыбы, но сильная рука седока мигом укротила благородное животное. Трубачам вторили барабанщики, и немислимый грохот больших литавр заглушал не только шум войска, проходящего мимо великого визиря, но и его размышления, которые вдруг перемешались и стали похожими на плов бедняка, в котором трудно отыскать кусочек мяса – здравую мысль.

В Истанбуле¹⁰ особым уважением пользовались два ордена дервишей – вертящиеся (рифайя) и ревушие (маулавийа). Но с янычарами в походы обычно ходили дервиши из ордена

⁹ Гяур – у исповедующих ислам, главным образом в Средние века, название всех иноверцев.

¹⁰ Истанбул – Стамбул; формально город после его захвата турками и переноса туда столицы империи не переименовывался; для турок он как был, так и оставался Истанбулом, а для греков – Константинополем.

бекташей, который основал приехавший из Хорасана шейх Хаджи Бекташ Великий; он прославился как святой муж и пользовался большим уважением. Бекташи толпами сопровождали янычар, воодушевляя их на подвиги. Они красочно описывали им рай и читали суры из Корана, в которых говорилось, что на павшего в бою изольется особая милость Аллаха. Нередко бекташи и сами принимали участие в сражениях.

«Гу-у! Гу-у! Гу-у!..», – неистово орали бекташи, приветствуя великого визиря, и их голоса временами заглушали даже вопли медных труб. Кара-Мустафа-паша недовольно поморщился (он терпеть не мог этих грязных оборванцев, вечно сующих свой нос туда, куда не следует), но тут же надел на лицо маску большой святости и поднял руки к небу: «Аллаху акбар! Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммад – его пророк!»

Лето 1683 года обещалось быть жарким – армия султана Мехмеда IV приближалась к Дунаю. Конюшни султана должны находиться в Риме!

Глава 1. Невольник

Субаши – начальник полиции Истанбула – задержал участников пьяной ссоры, затеявших драку, и устроил им показательную порку при большом стечении народа, которого хлебом не корми, но дай посмотреть на какое-нибудь занимательное зрелище. А что может быть интереснее и увлекательней, нежели удары палкой по животу и подошвам ног? Наказуемые лежали на земле в ряд, и их крики звучали музыкой в ушах жителей столицы Османской империи – правоверные терпеть не могли пьяниц. А уж нарушителей порядка и драчунов – тем более.

Обычно субаши с подчиненными обеспечивал порядок в городе в светлое время суток. Вместе с мухтасибом, наблюдающим за соблюдением исламских моральных норм, он следил за тем, чтобы регламенты, касающиеся деятельности ремесленников и торговцев, соблюдались должным образом. Кроме того, субаши задерживал пьяных, злоумышленников, бродяг и вообще всех подозрительных лиц и при необходимости наказывал задержанных.

Больше всех доставалось нечестным торговцам. Тем, кто при торговле обвешивал и обмеривал покупателей или продавал свой товар по чрезмерно высоким ценам, прибавляли гвоздями уши к двери или к стене и оставляли в таком беспомощном состоянии на целый день, чтобы обманутые могли высказать им свое негодование и презрение. Иногда виновным в обвешивании надевали на шею колодку и водили по городу. Субаши также накладывал на провинившихся штрафы, частично идущие ему в карман. Помощники субаши пользовались репутацией людей, не знающих жалости, да и сам он был очень злым человеком и стремился обогатиться за счет других. (Впрочем, ни в одной стране мира полицейские не пользуются любовью сограждан.)

Юрек Кульчицкий, затесавшись в толпу, смотрел на показательную порку без особого интереса. Он даже мысленно жалел несчастных, потому как ему уже доводилось ощутить на собственной шкуре всю «прелесть» такого наказания. После этого он неделю готов был ходить на руках, лишь бы не становиться на пятки. Когда бьют палками по подошве, боль ужасная, и даже его терпеливой натуре пришлось худо, хотя он поначалу и пытался не кричать. Но крик сам рвался из груди, и Юрек никак не мог его сдержать, хотя ему и хотелось показать свою казацкую выдержку.

Он попал в турецкую неволю не по роковой случайности, а из-за своего непоседливого характера. Родился Юрек в Кульчицах Шляхотских, недалеко от Самбора, который был под властью Речи Посполитой, в семье шляхтичей Кульчицких-Шелестовичей, обладавших собственным гербом «Сас». Как русский человек, он был крещен в православии, но когда Юрек стал взрослым, его отец, поддавшись увещаниям иезуитов, принял католичество и получил новое имя Францишек. Однако это не помогло ему стать богатым человеком, хотя он и поменял ради обещанного пасторами благополучия веру своих предков.

В родном селении Кульчицкого жили венгры, немцы, румыны, поляки. Общаясь со своими сверстниками, Юрий выучил все языки, на которых разговаривало многонациональное население Кульчиц.

Что его подвигло уйти в Запорожскую Сечь, когда ему исполнилось двадцать лет, он и сам потом не мог толком объяснить. Скорее всего, молодость и жажда приключений. А может, и то, что семья жила бедно, несмотря на свое шляхетство, и ему нужно было как-то зарабатывать себе на жизнь. Но поскольку к своим двадцати годам Юрек научился лишь махать саблей, а Кульчицы Шляхотские не были тем местом, где можно грести деньги лопатой, он решил попытать счастья на воинской стезе. В армию Речи Посполитой не поменявший православной веры Юрий Кульчицкий идти не захотел, – его свободолюбивая натура терпеть не могла армей-

ской муштры, да и платили там мало, – а выбрал себе путь на Хортицу¹¹, где его без особых церемоний приняли в казацкое братство.

В Сечи он выучил татарский и турецкий языки, которые были очень похожими, и спустя два года Юрек уже подвизался в качестве толмача при кошевом атамане, когда казаки ходили на Крым. Да и в других случаях знание языков сослужило ему хорошую службу, благодаря которой его личное состояние стало постепенно приумножаться – толмачей в Сечи ценили очень высоко, и с каждого похода они получали свою долю, часто весьма солидную. Все шло просто прекрасно, Юрек даже начал подумывать о том, чтобы неплохо бы прикупить себе усадьбу в Самборе и жениться, но нечистый тем и славится, что мажет медом свои ловушки перед тем, как погубить христианскую душу.

В 1665 году Кульчицкий поддался на щедрые посулы и перешел на сторону генерального хорунжего Войска запорожского Степана Опары, который подхватил осиротевшую булаву из рук бежавшего в Речь Посполитую гетмана Павла Тетери и заключил союз с крымским ханом Мехмед-Гиреем IV. Увы, пребывание Опары на посту правителя правобережной части казацкой Украины было недолговременным. Оно длилось всего два с половиной месяца – с июня по август 1665 года.

Степан Опара сделал большую ошибку. Понимая, что крымский хан хотя и является монархом и обладателем мощной военной силы, но вместе с тем подчиняется турецкому султану Мехмеду IV Авджи, Опара отправил в Истанбул казацкое посольство. Главной задачей послов было добиться благосклонности могущественного властителя Османской империи, а также заручиться его военной поддержкой и монаршим разрешением татарскому хану посылать свою орду на помощь казакам. Отчасти Мехмед IV Авджи пошел навстречу требованиям казаков, прислав на помощь Степану Опаре элитное янычарское подразделение во главе с мурзой Кан-Мехмедом.

Но в августе новоиспеченный гетман был внезапно арестован татарами, когда пришел к ним на военный совет. Татары ограбили Степана Опару и его старшину и в одних рубашках привели к мурзам, где всех заковали в железо. Вместе с казацкой старшиной был пленен и толмач Юрий Кульчицкий.

Будучи уже в неволе, Юрек проанализировал произошедшее (а он был отнюдь неглупым, грамотным малым), и пришел к выводу, что Степаном Опарой прежде всего были недовольны Мехмед-Гирей IV и его окружение. Татар незадачливый гетман воспринимал не как покровителей и защитников, а как равных союзников и часто не прислушивался к наставлениям представителей хана. Кроме того, Мехмед-Гирей не мог простить гетману его своевольного обращения к султану в обход Бахчисарая.

Как бы там ни было, но Степана Опару вместе с ближайшими старшинами посадили под замок, а тех казаков, кто был рангом ниже, в том числе и толмача Юрия Кульчицкого, отправили в Крым. Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Опары в татарском плену, но тут за казаков вступился новый гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко и выкупил его и старшин из неволи – уж неизвестно, по какой причине. Наверное, чтобы татары не передумали и не вернули Опаре гетманскую булаву.

Сначала Степана Опару, ставшего калифом на час, вместе с товарищами поместили в тюрьму Белоцерковской крепости под надзор его давнего врага коменданта Стахурского (Дорошенко хорошо знал, кому доверить роль тюремщика своего соперника!). Чтобы освободиться из неволи, Опара на допросе у коронного чиновника обещал, что в угоду Речи Посполитой может сдать полякам Умань и привести под власть короля Запорожскую Сечь. Для того, чтобы получить освобождение и выполнить свои обещания, заключенный гетман предлагал коменданту оставить заложниками сына и жену.

¹¹ Хортица – самый большой остров на Днепре. На этом острове была основана Запорожская Сечь.

Однако это ему не помогло – слишком много он насолил Речи Посполитой. В октябре 1665 года послы Петра Дорошенко передали бывшего гетмана королю Польши Яну II Казимиру. Степана Опару заключили в крепость Мальборк, где он и встретил свою смерть.

Собственно говоря, все эти события мало волновали Юрека Кульчицкого. Вместе с ясыром, добычей татарских людоловов, его гнали в Крым, словно скот, окружив цепью верховых и подгоняя нагайками. В Крыму невольники, которые посильнее, мучились днем на тяжелых работах, а ночью томились в мрачных темницах. Среди них оказались и казаки, плененные мурзами татарского хана вместе с горе-гетманом Степаном Опарой. Кормили несчастных разными отбросами, нередко мясом издохших животных. В конечном итоге Юрек попал в Кафу. Этот город был главным рынком невольников в Крыму.

Обычно хан выбирал первым и получал пошлину с каждого купленного раба. Пока захваченных пленников не продавали за море, к туркам, была еще возможность их выкупить. Но обыкновенно иноземные купцы, купив здесь наиболее сильных невольников, развозили их по отдаленным странам и продавали с большим барышом для себя сарацинам, персам, индийцам.

Невыносимо тяжелым было положение невольников-казаков, попавших на турецкие галеры – каторги. Их приковывали к скамьям на каждое весло по пять или шесть человек. Поперечные скамьи шли вдоль правого и левого бортов каторги, а между скамьями был проход, по которому ходил взад-вперед надсмотрщик над гребцами, избивая за малейшую провинность кнутом. Невольники были обнажены до пояса во всякую погоду и никогда не оставляли своих скамей; на них они спали и ели, не зная отдыха даже в праздники.

Выйти из столь тяжкого положения христианские пленники могли только в случае принятия ислама. Такие отступники – потурнаки – часто были злее и кровожаднее татар и турок; они изошренно мучили и избивали пленников, твердо державшихся своей веры. Наверное, таким образом отступники пытались заглушить в себе остатки совести и мысли о том, что они предали не только Бога, но также своих родных и близких, свою многострадальную родину.

Юреку здорово повезло. Его выручил дар толмача. Среди татарских пленников было много разного народа, в том числе венгры и поляки, но только он мог общаться с ними и татарами-надзирателями, так как хорошо знал разные языки. Поэтому Кульчицкого водили на тяжелые работы в каменоломню всего неделю, а затем определили толмачом кятиба – письмоводителя, который вел учет невольников. Кятиб был стар, подслеповат, и Юреку иногда удавалось поживиться чем-нибудь вкусным с его стола.

Кятиб настолько привязался к Кульчицкому, что хотел оставить его своим помощником, но только при условии, что тот примет ислам, на что Юрек категорически ответил: «Нет!» При этом он поблагодарил кятиба за его доброту и попросил прощение за отказ. Старик не обиделся; он много насмотрелся на своем веку таких упрямецев. Мало того, когда Юрека выставили на торги, он поспособствовал тому, чтобы тот попал в «хорошие руки».

Этими «хорошими руками» оказался грек-негоциант Александр Маврокордато из Константинополя, давний знакомый кятиба. На невольничьем рынке в Кафе он искал себе надежных слуг, способных помогать ему в торговых делах. Греку хорошо было известно, что славянские невольники заслужили в исламском мире репутацию умных и достойных доверия рабов. Но в Истанбуле они стоили больших денег, тогда как в Кафе их можно было купить за бесценок. К тому же, славян часто брали в евнухи, и Маврокордато вполне обоснованно опасался, что на невольничьем рынке столицы Османской империи ему не удастся найти то, что он хочет.

Юрий Кульчицкий тоже знал, что вполне может оказаться в гареме, среди многотысячного корпуса белых евнухов. При одной только мысли, что турки станут его «валашить» (кастрировать), у бедолаги сердце уходило в пятки. Для казака превратиться в женоподобное существо было страшнее смерти. Поэтому он сильно обрадовался, когда узнал, для какой цели его покупает грек-негоциант. Правда, Маврокордато эта покупка обошлась в немалые деньги: торговец живым товаром уже прознал, что Юрек толмач, а значит, и цену за него

запросил соответствующую. Толмачи всегда были редким товаром на невольничьем рынке Кафы.

И все-таки грек купил Юрека, не поскупился. Негоциант был просто потрясен, когда узнал, сколькими языками владеет пленный казак. Он сменил своего престарелого отца Николая Маврокордато на торговом поприще, вел дела с разными странами, и Кульчицкий стал для него ценной находкой.

Обычно невольник становился неполноценным членом семьи своего хозяина или обычным тяглом, «говорящим инструментом», когда попадал на галеры, плантации, в рудники или каменоломни. Переход в невольническое состояние сопровождался присвоением невольнику нового имени, а отчество заменялось именем хозяина. Это правило касалось всех частных рабов, независимо от того, кто были их владельцы по вероисповеданию (кроме мусульман, рабов держали и другие османские подданные – православные греки, армяне, иудеи). В документах Юрек значился как «Франц-Александр из семьи Маврокордато». Это указывало на то, что он всего лишь раб грека-фанариота¹².

В этом вопросе он немного схитрил – отношение турок к подданным Священной Римской империи было гораздо лучше, нежели к пленным запорожцам. А имя отцовское Франц, в отличие от имени Юрий, замаскировало его казацкое прошлое...

Немного потолкавшись среди любителей зрелища, щекочущего нервы, Юрек направил свои стопы в кахвехане – кофейню. За те несколько лет, что он прожил в Истанбуле, Кульчицкий настолько привык к кофе, что не мыслил себе жизнь без этого бодрящего напитка. Он должен был выпить хотя бы одну чашку кофе, лучше с утра, чтобы весь день его голова была ясной и чтобы не чувствовать усталости. А ежели Маврокордато отправлял его куда-нибудь по торговым делам, то тогда Юрек позволял себе посидеть часок-другой в кахвехане, где можно было услышать много интересного.

Кофе в Истанбуле считался одной из «четырех подушек на диване удовольствий» (остальные три – табак, вино и опиум; а сам «диван удовольствий» – близость с женщиной). В кахвехане предавались и другому пороку – непрерывно курили. Юрек так и не стал заядлым курильщиком, хотя у него была трубка, и он дымил в кахвехане, как все, – чтобы не выделяться.

Благопристойные жители столицы Османской империи подобных вертепов порока, разумеется, избегали, и предпочитали посещать чайные сады. Эти заведения среди правоверных были гораздо популярней кахвехане, поэтому в кофейнях обычно собирались горлохваты и любители поспорить, а иногда и позлословить, даже над самим султаном.

Александр Маврокордато, сам большой любитель кофе, рассказал Юреку, что первая кахвехане появилась в Истанбуле сто лет назад, а затем кофейни стали расти как грибы после дождя. Однажды султан, переодевшись простолюдином, посетил несколько кофеен и ужаснулся свободным нравам, которые там царили. Дело дошло до того, что его самого высмеивали и критиковали! Султан повелел закрыть все кахвехане, а любителей кофе сажать в темницу. Если же приверженец бодрящего напитка попадался во второй раз, его зашивали в мешок и бросали в море.

Но запретить полюбившийся напиток было уже невозможно. Его продолжали пить вопреки всем запретам и указам. Поняв, что борьба против кофе бесполезна, следующий султан разрешил своим подданным употреблять этот ароматный горький напиток, который называли «вино ислама», но в специально отведенных местах, и обложил кахвехане огромными налогами.

¹² Фанариоты – название греческой элиты в Османской империи, селившейся в престижном районе Фанар в европейской части Константинополя начиная с XVI века (вблизи резиденции Вселенского Патриарха в монастыре Св. Георгия).

Юрек выбрал, пожалуй, лучшую кахвехане Истанбула – «Мактаб аль-ирфан»¹³. Она была одной из первых кофеен столицы Османской империи и принадлежала сирийцам. Александр Маврокордато, его господин, был доволен успехами своего раба на торговом поприще и давал ему немного денег на сладости и развлечения. Возможно, доброе отношение со стороны грека было вызвано тем, что Юрек так и остался в православной вере, не стал менять ее из-за выгоды, а может, Маврокордато углядел в нем задатки купеческой сметки, что приносило выгоду в торговле. Кроме того, Кульчицкий старался быть предельно честным и ни одно акче¹⁴ не прилипало к его ладоням.

Несмотря на незавидный статус раба, Юрек любил комфорт. Другие кахвехане не шли ни в какое сравнение с первой кофейней Истанбула. Большой частью они были тесными, а иногда и мрачными – из-за табачного дыма, который густым сизым облаком окутывал любителей кофе, да и народ там собирался чересчур простой и непритязательный. Кульчицкий со своим шляхетским происхождением, несмотря на подневольное положение, считал себя гораздо выше черни, кейфующей в этих кахвехане. Он был уверен (уж непонятно, почему), что долго рабом ему не быть. Наверное, так думали – вернее, мечтали – все невольники, которыми полнился Истанбул.

Сирийские купцы построили «Мактаб аль-ирфан» с размахом. Кахвехане получилось не только просторным, но и чрезвычайно красивым. Высокие резные колонны из благородных сортов дерева, пол из мраморных плит, диваны, обтянутые темно-красным бархатом, на стенах зеленый шелковый штоф, вышитый серебряными нитями, одну из них занимал огромный шкаф красного дерева, в котором рядком, как янычары на смотре, выстроились кальяны, посреди кофейни умиротворенно журчал красивый мраморный фонтан, а те, кому было душно в помещении, могли выйти на веранду или во внутренний сад, благоухающий розами.

Кофе в «Мактаб аль-ирфан» был очень дорогим, но Юрек упрямо собирал акче, чтобы хоть раз в месяц очутиться в этом Эдеме и ощутить настоящий кейф. Одет он был вполне прилично, по турецкой моде, поэтому никто не мог заподозрить в нем раба. Впрочем, невольники, принятые в семьи, пользовались почти такими же правами, как и вольные жители Истанбула.

Запахи в кахвехане стояли умопомрачительные. В углу, недалеко от входа, тлели в каменном очаге древесные угли. Над очагом на бронзовых львиных лапах стояла большая медная жаровня, в которой до темно-коричневого цвета поджаривались зеленые кофейные зерна. Здесь же сутился слуга, конечно же раб, который перетирал в мраморной ступке поджаренные кофейные зерна до состояния муки тончайшего помола. Остальным занимался слуга рангом повыше, вольный сириец; именно он варил кофе в медной джезве и разливал его по чашкам клиентов.

Собственно говоря, сириец (которого Юрек мысленно именовал кофешенком) не просто варил кофе, а священнодействовал. Именно так можно было подумать, глядя на его манипуляции со стороны. Он наливал холодную воду в джезvu с таким видом, будто она была драгоценным расплавом серебра, стараясь не пролить ни капли. Впрочем, вода для кофе в «Мактаб аль-ирфан» и впрямь стоила дорого. Она обладала повышенной мягкостью, ее привозили издалека, с гор, где бьют хрустальные ключи.

После этого кофешенк ставил джезvu на песчаную баню, под которой тлели угли, вода немного нагревалась, а затем в нее сыпали точно отмеренную порцию молотого кофе. Дождавшись, когда поднимется густая шапка пены, джезvu снимали с огня. Подождав, пока пена осядет, кофешенк снова ставил джезvu на огонь. Так повторялось три раза. В этом деле, сообразил Юрек, главным было не потерять слой пены. Когда кофе был готов, слуга разливал ароматный

¹³ «Мактаб аль-ирфан» – «Круг мыслителей».

¹⁴ Акче, аспр – мелкая турецкая серебряная монета; в начале XVII века вес акче составлял 0,33 г, но в конце века снизился до 0,19 г.

напиток в теплые чашки. Кофейные гурманы толковали, что лучше всего вкус и аромат кофе раскрывается в нагретой чашке.

По желанию клиента кофешенк добавлял в кофе гвоздику, кардамон, щепотку ванили или корицу. Но Юреку нравилась кофейная горечь без примесей. Дождавшись, пока ему принесут кофе, небольшой стаканчик воды и рахат-лукум на расписном блюде, он с удовольствием отхлебнул несколько глотков и закурил свою трубку; кальян был для него слишком дорогим.

Табачный дым показался ему вполне приятным и даже где-то возбуждающим. Табак он купил по случаю у старого запорожца-потурнака, который провел в неволе много лет. В конечном итоге казак принял ислам, женился и прикупил себе крохотный домик с куском земли, где и выращивал «дьявольское зелье», как он сам именовал табак. Потурнак готовил хитрую табачную смесь, в которую добавлял разные ароматные травы, и те, кто хотя бы раз пользовались его товаром, потом становились постоянными клиентами бывшего запорожца.

«Что ж, каждый зарабатывает как может», – философски думал Юрек. Он не боялся привыкнуть к табаку бывшего запорожца, так как курил редко. Впрочем, в курении он не видел ничего дурного, многие казаки в Запорожской Сечи баловались «дьявольским зельем»; они даже обучили Юрека изготавливать разные табачные смеси, но табачный дым не приносил ему никакого удовольствия. В отличие от кофе – выпив две-три небольшие чашки ароматного напитка, Юрек не ходил, а словно летал на невидимых крыльях, при этом его голова становилась светлой, а мысли текли свободно, как широкая полноводная река, и не было им удержу.

Юрек прислушался. Неподалеку на одном из диванов сидели трое, по внешнему виду купцы-христиане. Они пили кофе, курили кальян и тихо беседовали. Разговор шел о судьбе последнего императора Византии Константина IX. Люди в кахвехане и впрямь собирались грамотные, пусть и не совсем «мыслители», но и не принадлежащие к столичным низам. Мало того, «Мактаб аль-ирфан» посещали в основном состоятельные христиане – греки, сирийцы, армяне, иногда им компанию составляли евреи.

– ...Что случилось с императором, никто не знает. Сам султан Мехмед II, после того как его войска взяли Константинополь, пообещал большую награду тому, кто принесет голову Константина... – Рассказывал, судя по наружности, грек-фанариот. – Было отмыто от крови множество голов и трупов, но императора так и не удалось среди них обнаружить. Одни говорили, будто бы видели его убитым у главных ворот. Другие – что голову императора нашли сразу и отнесли султану. Он насадил ее на кол и отослал ко дворам разных мусульманских правителей, чтобы похвастаться победой. Еще рассказывают, что тело императора якобы опознали по носкам, на которых были вышиты золотые кресты. В то же время точно известно, что приближенные императора не видели ни его тела, ни головы.

– Старые люди рассказывали, что, когда турецкий солдат занес руку с мечом, чтобы отрубить Константину голову, внезапно появились ангелы и унесли императора в неизвестном направлении. – Это вступил в разговор армянин, явно купец, притом далеко не бедный, судя по одежде. – Но наши пастыри точно знают, что его отнесли к Золотым воротам, парадному входу в Константинополь, и спрятали в подземной пещере. Там император уснул и превратился в мрамор. Мраморный Константин будет спать до тех пор, пока не придет время... – При этих словах все тревожно переглянулись и купец не окончил фразу; посетители кахвехане хорошо знали, что и у стен есть уши, а тайная служба султана не дремлет.

– Все это глупости! – раздраженно фыркнул толстый сириец с обрюзгшим сильно загорелым лицом; похоже, он много раз водил караваны по Аравии. – Выбросьте их из головы. Так будет лучше. Вы больше верите разным сплетням, нежели фактам. Падение Константинополя – дела давно забытых дней. Имеем, что имеем. Османская империя почти такая же сильная, как и при Сулеймане I Кануни, наши торговые дела идут в гору, чего еще нам желать?

– Согласно преданию... – Армянин оглянулся по сторонам и перешел на шепот, но Юрек имел отменный слух. – Согласно преданию император проснется, ангелы дадут ему меч, и он с триумфом войдет в город через Золотые ворота. Вот скажите мне, зачем султан приказал замуровать ворота, оставив в них лишь маленькую дверку? Потом заложили камнями и ее, а возле ворот построили Едикуле – Семибашенный замок, в котором нынче располагается тюрьма. Мало того, возле бывших Золотых ворот насадили огороды, да так, что там и намека нет на дорогу. Все это наводит на определенные мысли...

– Держи их при себе! – грубо оборвал его сириец. – Иначе твои мысли могут оказаться на деревянном подносе вместе с головой возле ворот дворца Топкапы.

Купцы, судя по опасным разговорам – добрые старые товарищи, как по команде замолчали и начали усиленно вдыхать охлажденный дым кальянов. Юрек прекрасно понимал, почему упоминание этого дворца заставило умолкнуть собеседников. Дворец Топкапы, или Сераль, резиденция султана, был возведен на месте дворца византийских правителей, у самого побережья Мраморного моря. Его название, которое звучало как «Пушечные ворота», было не случайным, потому что каждый раз, как только султан покидал дворец, раздавался пушечный выстрел.

Но не это главное. Стены дворца Топкапы хранили много мрачных тайн. Это был настоящий город, в котором жило более пятидесяти тысяч человек, с мечетями, оружейными палатами, зоопарком и хамамом – турецкой баней. Там были встроенные в стены фонтаны и родники, препятствующие прослушиванию, и длинная труба, по которой в Босфор под покровом ночи сбрасывали в мешках неверных наложниц султана.

Александр Маврокордато, которому доводилось бывать в Топкапе, рассказывал своим домочадцам (а Юрек подслушал), что в особенный трепет его привел «Фонтан палача» рядом с главными воротами дворца. В его струях ополаскивали руки и затупившиеся секиры бостанджи-баши – палачи султана, работавшие по совместительству... садовниками! Чтобы они не могли распространяться о происходящем при дворе, им с детства отрезали языки.

Казни в Истанбуле были привычным делом. Головы подданных султана летели с плеч за мельчайшую оплошность, даже совершенную нечаянную, по рассеянности, а затем выставлялись у стен султанского дворца на «Позорных камнях» для всеобщего обозрения. Жители Истанбула считали подобное зрелище обыденным и особо не пугались, привыкнув к смертям и казням, от которых провинившегося не могли спасти ни должность, ни знатное происхождение. Однако знатность рода и высокий пост имели значение уже после казни, когда решалось, на каком подносе – серебряном или деревянном – выставить голову казненного, которому, конечно же это решение было безразлично.

Самое «привилегированное» положение было у головы великого визиря. Ей полагалось серебряное блюдо и место на мраморной колонне у дворцовых ворот. Головы менее крупных сановников выставлялись на деревянных подносах, а уж головы рядовых чиновников или купцов укладывались прямо на землю без всяких подставок возле стен Топкапы. Поэтому кейфующие собеседники решили не смущать джиннов своими опасными разговорами, из-за которых можно было запросто лишиться головы, и начали обсуждать близкие и понятные им торговые дела. А Юрек мысленно перенесся в завтрашний день. Он надеялся, что этот день будет приятным во всех отношениях, так как наступал один из главных мусульманских праздников – Ураза-байрам, праздник разговения в честь окончания поста в месяц Рамадан.

В этот день и православное семейство Маврокордато, отдавая дань уважения Ураза-байраму, с наиболее приближенными слугами и рабами выбиралась отдохнуть на природе. У состоятельных жителей Истанбула было одно особо излюбленное место – там, где бухта Золотой Рог врезалась в сушу наиболее глубоко. Оно называлось Кягытхане – «Сладкие Воды»; наверное, потому, что там бил источник прекрасной питьевой воды, а рожденный им ручей, пересекая луга, впадал в залив. Охраняя луга от потравы и желая сохранить их для отдыха

жителей Истанбула в перевозданном виде, правительство запретило выпас на них скота, даже мелкого рогатого, не говоря уже о крупном.

Но в этот раз Александр Маврокордато решил растянуть удовольствие. Так как Уразабайрам должен был длиться три дня, в первый день грек решил устроить прогулку по Босфору, чтобы насладиться видом прекрасных берегов пролива. А на следующий день все должны были отправиться в Кягытхане.

Обычно любители отдыха на воде нанимали сандал – лодку-плоскодонку, рассчитанную на одного гребца – или каик с несколькими гребцами. Все это стоило от двух до четырех акче. Но поскольку количество домочадцев Маврокордато вместе со слугами, которые должны были их обслуживать в пути и на привале, приближалось к двум десяткам человек, скромное суденышко не могло устроить компанию, и грек дал распоряжение Кульчицкому, чтобы тот заказал большой каик с шестью гребцами, которые за свои труды потребовали двадцать пять акче. А еще сверх платы полагалось накормить гребцов. Это не очень понравилось прижимистому Маврокордато, но он знал, что лодочники еще те горлохваты и с ними лучше не спорить.

Кофе, приятная атмосфера кахвехане и предстоящий праздник настроили Юрека на благодостный лад; ему даже показалось, что тяжелый груз рабской доли, который давил его и пригибал к земле с момента пленения мурзами хана Мехмед-Гирея, незаметно соскользнул с плеч, и Кульчицкий почувствовал огромное облегчение. Ему вдруг показалось, что он свободный человек. Почти свободный – все равно где-то внутри таился коварный зверек, похожий на крысу, в любой момент готовый вонзить свои острые ядовитые зубы в душу Юрека.

Глава 2. Алексашка

Алексашка с тоской смотрел на слюдяное оконце отцовской лавки, засиженное мухами еще с прошлого года; а может, и позапрошлого. Он заменял увечного лавочного сидельца, которого угораздило в пьяном виде приблизиться к жеребцу по имени Кудеяр с хвоста. Нет, не зря отец назвал жеребчика еще в малолетстве именем знаменитого разбойника! Нужно отдать должное его проницательности – Кудеяр был конь-огонь, но характер имел прескверный. Для жеребца не существовало авторитетов. С ним более-менее мог управляться только конюх, да и того Кудеяр мог укунить в любой момент. Но отцовский конюх никогда не приближался к нему сзади, а сиделец с пьяных глаз подошел. И получил копытом в лоб. Хорошо хоть он, дурья его башка, был в меховой шапке, которая изрядно смягчила удар. Иначе голова сидельца раскололась бы как гнилой орех.

Мухи начали просыпаться – пришла весна... Одна из них, зеленая, толстая («Вишь как откормилась на дармовых лавочных харчах!» – лениво подумал Алексашка), пригревшись в лучах блеклого северного солнца, благо на небе не было ни тучки, билась о стекло, пытаясь вырваться наружу. Ну, дура... Там еще снега полно, только-только образовались первые проталины. «Добью... чтоб не мучилась», – решил Алексашка, дабы заняться хоть чем-то. Он взял тряпку, которой протирали прилавок, и вознамерился исполнить жестокий приговор.

Однако муха словно подслушала изуверский замысел юноши, и едва он приблизился к оконцу, как она тут же улетела и начала кружить по лавке, издавая противное жужжание. «Вот сволочь! – разъярился Алексашка. – Ужо погоди...» Он схватил неполный свиток плотной ткани и начал с азартом гоняться за мухой с намерением прихлопнуть ее в два счета.

Но не тут-то было. Подлая муха творила чудеса. Она то моталась по лавке, как ошалелая, то вдруг останавливала свой полет и таилась незнамо где. Алексашка, злой как черт, терпеливо осматривал все укромные уголки помещения, пока, наконец, не нашел притаившуюся муху. В предвкушении близкой расправы с подлой нарушительницей покоя он осторожно поднимал свиток для лучшего замаха, а затем... затем бил, но уже по пустому месту. В последний момент муха каким-то чудом ускользала от расправы и, победно жужжа, снова начинала нарезать круги по лавке.

Ее наглые издевки сводили юношу с ума – уж неизвестно, по какой причине; наверное, он чересчур устал от унылого и долгого бдения за прилавком, что для непоседливого Алексашки было горше наказания вожжами по мягкому месту. Он бегал по лавке, как конь, роняя и разбрасывая товары, которые стоили немалых денег.

Отец Алексашки, купец-помор Демьян Ильин, вел торговые дела с Бергеном и Тронхеймом, которые имели монополию на внешнюю торговлю. Торговлишка эта была не совсем законной – норвежские купцы, которые вели тайные торговые операции с русскими, могли быть подвергнуты серьезному наказанию. Но уж больно хорошую выгоду имели и поморы и норги от этих весьма доверительных отношений, поэтому приходилось мириться с некоторыми издержками и опасностями.

Особенно нежелательной для русских была встреча с военными кораблями Норвегии, которые топили купеческие карбасы поморов без долгих проволочек. Правда, обобрать купцов до нитки они успевали. Кроме того, отец Алексашки торговал с голландцами и англичанами (вернее, пытался торговать), но прибыток от этой торговли был совсем мизерный. Иноземцы оказались чересчур прижимистыми, они могли за копейку удавиться. Да и торговля была в основном меновой, на которой много не заработаешь, – англы и голландцы большей частью меняли на рыбу сукно, медь и олово. Почти все эти товары приходилось потом продавать в казну, с которой особо не поторгуешься.

Но, как бы там ни было, а лавка Демьяна Ильина считалась одной из лучших в Архангельске. Многие поморы протоптали к ней тропку, потому что Ильин не задирает цены, а если приходилось туго (особенно зимой, когда заканчивались хлебные припасы), то всегда давал денег в долг. Должников Демьян Онисимович заносил в большую амбарную книгу, и если помор не мог отдать деньги в срок, то не драл с него три шкуры, как некоторые кредиторы, а лишь накидывал небольшой процент и ждал, пока рыбака посетит удача на осенних ловах.

Кроме тканей (парчи, тафты, сукна, камки), а также других товаров, нередко ношенных, прикупленных для перепродажи по случаю, – одежки разной, оружия и воинского снаряжения, большей частью разрозненного, не в комплекте, – в лавке продавалось много чего интересного, особенно для модниц и господ при деньгах. Правда, в Архангельске состоятельный люд водился не густо, – в основном богатые рыбопромышленники и солевары, купеческие жены, девицы на выданье, чиновники и заезжие гости, в том числе столичные, – но торговля ладилась, так как иноземные товары на Руси вообще, и на рынках Москвы в частности, стоили гораздо дороже, а некоторые и вовсе отсутствовали. Военных больше всего привлекали самопалы швейские и немецкие, женщин – жемчуга и шелка, сластен – сахар разных сортов (головной белый и желтый, имбирный в виде леденцов), господские повара покупали анис, гвоздику, перец, шафран, мускатные орехи, священники приобретали ладан и фиимиам...

Ко всему прочему, в просторной лавке Демьяна Ильина было много и бакалеи: купорос, квасцы, нашатырь, камфара и тому подобное, а также всевозможные иные товары – мыло шпанское, бумага хлопчатая, нитки немецкие, гарус, кружева и прочая женская дребедень. Не говоря уже о разных винах – ренском, мушкателе, конарском и дорогой романее. Но бочки с вином хранились отдельно, в подвале рядом с лавкой, и там распорядился приказчик, прожженный плут, который всегда ходил под хмельком, за что не раз был хозяином порот.

С лавки отец Алексашки имел хороший прибыток в основном тогда, когда открывались морские пути, подсыхали дороги, и Архангельск начинал походить на одну большую ярмарку. А зимой лавочный сиделец больше скучал, чем работал. Демьян Онисимович в основном занимался оптовой торговлей рыбой и поморской солью, которая незаменима в засолке семги. Богатая лавка была витриной его благополучия, из-за чего Ильина уважали и местные купцы, и государевы слуги, и заезжие иноземцы. У купца, который держал лавку с таким богатым выбором дорогих товаров, дела просто не могли идти плохо. Поэтому торговые договоры – как со своими купцами, так и иноземными, – Демьян Ильин заключал быстро и легко. Ему верили, а доверие для торгового человека дорогого стоит...

Наконец муха, уставшая от преследований, снова села. Но на этот раз от усталости она не смогла подобрать укромный уголок, и плюхнулась прямо на входную дверь примерно на уровне человеческого роста. Алексашка на цыпочках подошел к двери, осторожно, не спеша, замахнулся («Вот ты и попалась!») – подумал он со злобным торжеством и вlepил по дверному полотну со всей своей уже немалой силы.

И надо же было такому случиться, чтобы именно в это время Демьян Онисимович решил проверить, как идут дела у его шепутного наследника. (Остальные отпрыски семьи Ильиных были девками, что очень его огорчало; впрочем, купец еще был при мужской силушке и в очередной раз надеялся на второго сына, так как жена снова была на сносях.) Он резко отворил дверь лавки – и улетел в сугроб от поистине богатырского удара по лбу. Алексашка как открыл рот от дикого изумления, так и стоял на пороге лавки столбом до тех пор, пока отец, кряхтя и постанывая, не выбрался из сугроба.

– Вишь оно как... Неплохо приложился, сынок. Ну, чего прощения не просишь? – грозно спросил Демьян Онисимович. – Руку на родного отца поднял!

– В-ва... В-ва... – Язык у Алексашки стал как колода; его прошиб холодный пот, и он уже готов был бухнуться на колени перед отцом, как вдруг Демьян Онисимович раскатило расхохотался.

– А что, хорошо меня жарнул, – сказал купец, отряхиваясь и ощупывая лоб. – Силушка есть. Что ж, найдем ей применение... Ты во что целил-то?

– Муху хотел убить, – ответил дрожащим голосом Алексашка; и быстро добавил: – Большую, зеленую! На дверь, подлая, села, я ее и...

– Ну, коли так, то простительно. Если уж меня смахнул в сугроб, как муху, то ей и вовсе пришел конец... – Тут купец снова хохотнул, а затем продолжил уже серьезно: – Запомни – зеленые мухи от нечистого. Изничтожить их надобно. Так что все верно ты сделал. Однако хорошо, что тебе не пришла в голову мысль расстрелять ее из самопала...

– Как можно?! – ужаснулся Алексашка.

– А по молодости всяко случается. Сам был таким. Ну, почто встал столбом? Заходи в лавку. Будем примочки на лоб ставить. Ты не забыл, что у нас седни обетный праздник? К ужину гости у нас будут, и мне как-то неловко с шишкой на лбу их привечать...

Про праздник Алексашка не забыл. Отец сам его установил и отмечал каждый год в тесной компании друзей. Именно в этот день двенадцать лет назад ему пришла в голову мысль заняться жемчужным промыслом, от которого и пошло богатство Ильиных. «Ангел нашептал во сне, – рассказывал отец. – Ей-ей! Утром проснулся – будто на свет народился...»

Гости явились как солдаты на плац при звуках воинской трубы – дружно, в один час, как раз к паузне – третьей выти¹⁵. Все знали, что Демьян Ильин хозяин гостеприимный, да и не так много было в зимнем Архангельске развлечений, чтобы отказаться от хорошей компании. Среди приглашенных были иерей Иоанн Варфоломеев, купцы Иван Стукачев и Федор Лыжин, и канцелярист Архангелогородской губернской канцелярии Гаврила Пушкин.

– Мир дому сему! – пробасил Иоанн Варфоломеев и наложил крестное знамение. – Спаси Господи!

Алексашка с большим почтением низко поклонился, – он и впрямь сильно уважал отца Иоанна, который учил его грамоте, – а отец облобызал иерея. Они дружили с детства, поэтому обращались друг с другом вольно, безо всякого чиновничества. Отец Иоанн был кряжист, чернобород, с глазами, которые прожигали насквозь – ну чисто тебе разбойник.

Купцы Стукачев и Лыжин казались братьями: оба русоголовые, бороды подстрижены на аглицкий манер – коротко, носы пуговкой, роста среднего, выражение лиц с хитрецей, а глаза так и шмыгают, будто они не в гостях у доброго товарища, а на ярмарке, где нужно ухо держать востро и торговаться до хрипоты.

Что касается канцеляриста Гаврилы Пушкина, то с виду он был совершенно ничтожной личностью – тощий, как дьяк из убогого деревенского прихода, бороденка жидкая, козлиная, на постной физиономии разлилось уныние, словно канцелярист находился в постоянной печали, а его руки с невероятно длинными и худыми пальцами пребывали в постоянном движении, ощупывая нечто невидимое глазу. Тем не менее, несмотря на свою невзрачность, Пушкин отличался не только гибким умом, но еще был и весьма значимой персоной в глазах архангельского купечества. Любая бумага, связанная с торговыми делами, прежде всего попадала на стол канцеляриста, и от него зависело, как дальше поступить: положить ее под сукно – в долгий ящик, или дать быстрый ход.

Стол накрыли в горнице. У Ильиных, в отличие от многих купцов-поморов, она была светлой и просторной. И топили в доме не «по-черному», как было заведено исстари. Демьян Онисимович (как и его гости) не принадлежал к староверам, поэтому не держался за посконную старину, а старался идти в ногу со временем. Поэтому приглашенные иноземные мастера соорудили в доме печь с дымоходом и лежанкой, и отделали ее заморскими изразцами. Чтобы

¹⁵ Выть – прием пищи. В обычных условиях у поморов было три-четыре выти в день: первая – завтрак, между 4 и 6 часами утра; вторая – обед (обедник) в 9 часов утра; третья выть – паузна – между обедом и ужином; четвертая – ужин (ужна).

посмотреть на это диво, многие набивались в гости к Ильиным, да не всех Демьян Онисимович привечал.

Усадьба Ильиных была немалая. На ее обширном пространстве свободно разместились дом, похожий на большую квадратную башню, амбар, сенник, конюшня, изба для гостей и баня. Дом оборотистый Демьян Онисимович построил двухэтажный, пятистенный, с высоким крыльцом и шатровой крышей. Его сложили из длинных трехсаженных¹⁶ сосновых бревен, а щели между ними конопатили каким-то редким болотным мхом, смешанным с паклей, который привезли лопари с совсем уж крайнего севера. Этот красный на цвет мох препятствовал гниению дерева и хорошо держал тепло.

Но главным было то, что горницу Ильин обустроил в неотапливаемой клети, где обычно хранилось зерно и прочий домашний скарб. Клеть была просторная, а два дополнительных оконца давали вполне достаточно света, особенно летом, когда наступали белые ночи. Вопрос с отоплением был решен просто и изящно: одна из стен клети обогревалась печью. Поэтому коротким, но знойным северным летом в горнице было прохладно, а суровой зимой не жарко – в самый раз для собравшихся попить. Мебель в доме стояла городская, большей частью иноземная: аглицкие пристенные стулья, железные кровати (большая редкость в Архангельске; поморы обычно спали на широких деревянных лавках, днем пряча их под полати), зеркало венецианское в раме красного дерева, а вот сундуки с добром были русские – старинные, расписные.

Стол ломился от еды. Конечно, на нем главенствовала рыба – основной продукт поморов, но присутствовали и борвина из рябчиков, и пироги с грибами и ягодами, и курники с репой, и шанежки, и сочни, и кулебяки... Однако королевой стола была треска – соленая, копченая, вяленая. Недаром жителей Архангельска исстари прозвали «трескоедами». Треска у поморов считалась самой вкусной и здоровой пищей. Даже семга не шла ни в какое сравнение с треской. Семга, конечно, очень ценная и вкусная рыба, но она быстро приедалась. Семга – «царская рыба» – считалась праздничной закуской, и постоянно ею питаться было нельзя. А треска, как и хлеб, не приедалась ни при каких обстоятельствах, утверждали поморы.

Тем не менее без семги не обошлось. Вот только подали ее в виде строганины, что самое то под доброе хлебное вино. Длинные бело-розовые ломтики замороженной семги брали пучком и макали в соус, состоящий из яблочного уксуса, перца и соли. Его так и называли – «макало».

Хорошую строганину приготовить непросто. Этим делом у Ильиных занимался слуга Овдоким, который в первую очередь исполнял обязанности конюха, а во вторую – был на подхвате для любых дел. На строганину шла только живая, не уснувшая в сетях рыба. Накормить гостя строганиной из снулой рыбы считалось оскорблением. Вынув рыбу из сети, нужно было сильно ударить ее головой об лед, а после того, как семга полежит на морозе полчаса, ее слегка разминали, взъерошивали и выпрямляли, чтобы потом окончательно заморозить.

Поначалу гости накинулись именно на строганину. Все хорошо знали, что это наипервейшая закуска, под которую можно выпить четверть хлебного вина и не быть пьяным. Мороз к вечеру усилился, поднялся северный ветер, и гости, пока добрались до усадьбы Ильиных, изрядно продрогли, поэтому крепкое вино полилось как вешняя вода. После строганины подали хлёбово – горячую, изрядно наперченную шафрановую ушицу в «солиле» (общей миске); все схватили по румяной шанежке и дружно заработали деревянными ложками. Когда большая миска показала дно, гости дружно выдохнули: «Ух!», отвалились на спинки стульев, – для передыху – и начались разговоры.

¹⁶ Сажень – русская мера длины. Имела разные значения: простая сажень равна 152 см, маховая сажень равна 176 см, кося великая сажень равна 248 см. Здесь указана маховая сажень.

Этот момент Алексашка ждал с нетерпением. За стол его не пригласили – не по чину; он скромно присел в уголке и насторожил уши. Гости люди грамотные, бывалые, и Алексашка ждал интересных историй, которые обычно рассказывал Федор Лыжин и до которых Ильин-младший, мечтавший поехать по миру, был шибко охоч. Но разговор начал Иван Стукачев:

– Вчерась выменял у голландского купца четыре штуки¹⁷ алтабаса¹⁸, а затем ему же и продал. Вы бы видели его глаза... – Он хохотнул. – Видать, решил, что я умом тронулся. Наверно, впервые в наших краях. Но купил за милую душу. Сделка, конечно, для меня в убыток, но полновесные гульдены¹⁹, которые он заплатил, я оберну вдвойне.

Все с пониманием покивали и одобрительно зацокали: «Ца-ца-ца...», тем самым удивившись оборотистости Стукачева и поздравив его с торговой удачей.

Купцы-поморы сильно удивляли иноземцев своими странностями. Нередко товар, приобретенный у чужеземного гостя, они тотчас продавали ему же по более низкой цене, но за наличные деньги. Суть таких сделок была предельно проста – русские купцы остро нуждались в наличности, будь то рубли, гульдены или рейхсталеры, которые на внутреннем рынке пользовались большим спросом. Здесь присутствовало одно немаловажное обстоятельство: государство разрешало иноземцам торговать исключительно в Архангельске. Любая торговля в других местах была для них запрещена. Поэтому купец-помор не только покрывал понесенные им убытки, но и получал солидную прибыль, приобретая у соотечественников по дешевке за иностранные деньги товары русского вывоза.

– Хорошо-то, хорошо, – прогудел своим басыщем отец Иоанн. – Да вот небесные знаменья неблагоприятны и все на русскую землю восходят. Баят, недавно явились на небеси три звезды – едина больше луны, в нощи восходящей, тако и две други, поменьше, шествие имуще от полунощи на юг. Ина звезда зело велика и светла, яко же описано в книге Григория Секбота, который нарицает ее кометой. Когда она являет людям свой лик, их сердца станут свирепы и брани междоусобной быти. Многая радости наполнятся печальми... – Тут он перекрестился и продолжил: – Спаси и сохрани нас, Господи, от бед предстоящих! Я думаю, что комета сия скору кончину знаменаша государя нашего, Федора Алексеевича. Слаб он здоровьем... А в царском чертозе он двух братьев своих на трон приведет – Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича.

– Молоды они еще, – сказал Федор Лыжин. – Бояре Милославские не позволят. Знающие люди грят, что сестра евойная, Софья Алексеевна, давно примеряет царский венец. Конечно, девка она видная и грамотная, кумекает по-латыни, польский язык знает, даже стихи пишет. С виду богобоязненная, смиренная, ну дак кто ж не знает, что в тихом болоте черти водятся... – При этих словах иерей с осуждением перекрестился. – Любит она власть, ох, любит. А там и до греха недалеко. Царевичи-то еще мальцы...

– А нам то что? – зашевелился Демьян Онисимович. – Наше дело торговое, купи-продай. Казну государеву при любом царе наполнять надобно. Уж как они там трон поделают, то не наше дело.

– И то верно, – дружно согласились гости и на том разговоры на время прекратились, потому как подали треску с пылу с жару, запеченную по-поморски в овальной глиняной миске, которая называлась «латка». Духмяная треска с луком и сметаной, которую запивали хмель-

¹⁷ Штука – целый, непчатый рулон ткани.

¹⁸ Алтабас – разновидность парчи; плотная шелковая ткань с орнаментом или фоном из золотых или серебряных нитей. Использовалась царским двором и церковью для пошива парадных одежд.

¹⁹ Гульден – название серебряной монеты, заменившей золотую, которая чеканилась в Германии в XIV–XV веках. Появление серебряного эквивалента золотого гульдена привело к тому, что золотой гульден с 1559 года стал называться гольдгульденом (Goldgulden), а гульденом, или флорином, стала называться серебряная монета в 60 крейцеров, равноценная золотому гульдону. Серебряный гульден (рейхсгульдинер) весил 24,62 г. (22,9 г чистого серебра).

ным мёдом, вызвала у Алексашки обильное слюноотделение, и он, тихо покинув горницу, шмыгнул на поварню.

Там священнодействовала мать Алексашки, которую звали Иринья, и младшая сестра Ховронья. Второй сестры Евдошки, старшей, не было; поди, сидит где-нибудь в углу, читает. Шибко грамотная. Ее треской не корми, а дай почитать какую-нибудь книгу. Отец с каждой поездки привозил что-нибудь новенькое, и что характерно, не скупился, хотя книги очень дороги. Евдошка и языки иноземные знает, не меньше, чем Алексашка, и политесу обучена. Девка статная, купцы знакомые норовят сватов заслать, да отец почему-то уперся – нет, и все тут. Поди, королевича заморского Евдошке ищет...

Мать с изрядно округлившимся животом ходит по поварне как утка, переваливаясь с боку на бок. Алексашка знал, что ей немало досталось, когда он был совсем маленьким. Ильины жили тогда бедно, перебивались с хлеба на воду, да и то на хлеб иногда денег не хватало, пока отец не стал ходить летом на Варзугу добывать жемчуг. Ему здорово повезло – он нашел поистине золотое дно. В реке, которая впадала в Варзугу, раковины-жемчужницы даже искать не нужно было; они лежали на песчаном мелководье прямо под ногами, притом жемчуг в основном был крупный, дорогой. Видимо, до этих мест еще никто не добирался.

Конечно, когда отец взял то, что само шло в руки, ему пришлось забираться поглубже. Чтобы найти раковину-жемчужницу поморы использовали незамысловатое приспособление – «водогляд». Он представлял собой полую берестяную трубу (бурак) с полсажени в длину, которую отец сквозь отверстие в плоту опускал одним концом под воду, а к другому – верхнему – плотно прижимался лицом, разглядывая дно реки. Благодаря «водогляду» можно было хорошо разглядеть все лежащие на дне предметы.

Отец искал тонкие бороздки, которые оставляли ползущие по речному песку жемчужницы. По этим следам он без особого труда находил раковину. Но, прежде чем достать ее из воды, отец пристально рассматривал раковину и по известным ему признакам решал, есть ли в ней жемчуг. Если она была небольшой по размеру, с гладкими створками, это означало, что раковина молодая и здоровая, следовательно, жемчуга в ней, скорее всего, нет. Зато в крупной старой раковине с неровными выпуклыми створками вполне могла оказаться заветная жемчужина.

По внешнему виду раковины Демьян Онисимович мог определить не только размеры и форму жемчуга, но даже его цвет – белый, розовый, синеватый или черный. Особо ценились крупные белые жемчужины, а самыми дешевым считался мелкозернистый синеватый жемчуг неправильной формы.

Но одно дело найти раковину-жемчужницу, и совсем другое – исхитриться извлечь ее со дна. Отец пользовался раздвоенным на конце шестом, который назывался «рошшэп». Наконечник для шеста он изготовил из костяных заостренных пластин и кованых металлических крючков. Отец наводил на раковину конец шеста и ловким движением прижимал ее ко дну. При этом раковина оказывалась зажатой в расщепе, и вытащить ее на поверхность уже не представляло особого труда. Оставалось только разломить створки и с помощью ножа достать драгоценное перламутровое зерно. После этого отец укладывал жемчужное зернышко за щеку на шесть часов, так как считалось, что от воздействия слюны оно станет прочнее и долго не потускнеет.

Все это малый Алексашка видел собственными глазами и по мере своих детских силенок помогал отцу. А мать и Евдошка в это время хлопотали на берегу, где Демьян Онисимович поставил куваксу – лопарский шалаш, крытый корой. Они ловили рыбу в речке и готовили еду. Алексашка ставил петли на зайцев, и очень радовался, когда ему выпадала охотничья удача. Мясо на столе поморов бывало редко, а мать умела готовить зайчатину так, что пальчики оближешь. Тем более что к жаркому из зайца полагался еще и кисло-сладкий ягодный соус.

Демьян Онисимович промышлял на Варзуге три сезона. А затем с успехом занялся торговыми делами, благо, капитал на жемчуге он скопил вполне приличный, ведь цена поморского жемчуга, который добывался в реках Варзуге, Солзе, Ваймуге, Умбе, Кеми, Коле была более двадцати гульденов за жемчужину, а были и такие экземпляры, которые стоили и все пятьдесят. Да и в Поморье жемчуг пользовался большим спросом. Им украшали не только женские одежды, но и мужские. Широкий воротник из жемчуга, иногда шириной в три пальца, был главным украшением мужского костюма. Шитые жемчугом воротники, кафтаны-охабни, унизанные жемчугом сапоги у мужчин, не были чем-то из ряда вон выходящим. Поморский речной жемчуг получил распространение даже в Москве; он шел на украшение патриарших риз и царских одеяний.

Ильин не оставил заветное место на Варзуге. Только теперь он нанял артель для добычи жемчуга, а ее атаманом поставил верного человека – Фомку, брата Овдокима. Артельщиков Демьян Онисимович не обижал, – платил, не скупясь, вовремя снабжал их съестными припасами и разным барахлишком, – поэтому тайну промысла они хранили свято, тем более что Ильин заставил их поклясться на кресте. Кроме того, у Демьяна Онисимовича было четыре тони²⁰ и соляной промысел – небольшой, но приносящий солидный доход; соль для рыбаков всегда нужна, да и в домашнем хозяйстве она незаменима.

– Проголодался, поди? – ласково спросила мать.

– А он завсегда голодный, – фыркнула Ховронья.

– Брысь под лавку, крошечка-хаврошечка! – беззлобно откликнулся Алексашка.

– У-у! – замахнулась на него веником Ховронья. – Басурман!

– Хватит вам... – Мать поставила на стол в углу поварни «латку» с запеченной треской и сказала: – А поешь, поешь... Вишь-ко, какой ты у меня большой вымахал.

– Велика фигура, да дура! – сердито сказала Ховронья.

– Ладно тебе, не злись, – примирительно ответил Алексашка. – Я ведь пошутил.

– Сам ты охломон, и шутки твои дурацкие... – Ховронья обиженно надулась.

– Ну прости, сестренка, виноват.

– Да ну тебя...

Ховронья занялась шанежками, – как раз тесто подоспело, – а Ильин-младший жадно набросился на треску. Мать готовила ее по-особому, с травками, поэтому рыбка была удивительно ароматна, и Алексашка умял довольно-таки большую рыбину быстро – как за себя кинул. А затем, выпив кружку «кёжа», горячего ягодного киселя, отправился на боковую – от сытости начали глаза слипаться...

На следующий день Алексашка поднялся раньше всех – нужно было открывать лавку. Быстро пожевав на поварне, что под руку попало, он вышел на улицу и направился к берегу Двины, где находилось торговое заведение Ильиных. Отец очень удачно выбрал место для лавки – посреди ярмарочного торга. Доходное место обошлось ему в немалую копейку, но оно стоило того. Ярмарочная торговля в Архангельске проходила непосредственно на берегу реки, а также на пристани, плотках, а иногда и прямо на судах. Архангельская ярмарка длилась обычно три месяца – с июня до сентября. Осенью торговый бум спадал.

Рынком служила площадь возле пристани. В период навигации вся Двина у города была сплошь заставлена судами разных величин и наименований: поморскими раньшинами, шняками, соймами, двинскими усоями и паусками, шитиками, холмогорскими карбасами, пинежскими обласами, лодками-осиновками, еловками... А еще были суда иноземные – аглицкие, голландские, швенские, гамбургские, бременские, датские.

Поморы везли рыбу с дальних берегов и грузились хлебом, солью, лесом. Иноземные суда ввозили в Европу сало, мясо, масло, лен, пеньку, коноплю, хлеб, кожи, поташ, смолу, ворвань,

²⁰ Тоня – место на реке или водоеме, на котором производится лов рыбы неводом.

мед, воск, рыбу, рыбий клей, свиную щетину... А уж за пушнину, особенно за шкурки «царя мехов» – соболя, европейские купцы едва не дрались.

Россия не имела своего морского флота, поэтому почти вся внешняя торговля в северных морях находилась в руках иностранцев и осуществлялась на их судах. Европейские купцы привозили изделия из золота и серебра, посуду, галантерею, москательные и аптекарские товары, вина, пряности (особенно перец разных сортов), изюм, инжир, лимоны, чай, сахар, шерстяные и шелковые ткани, писчую бумагу, краски, белила, иголки, булавки...

Добрая половина архангельского люда находило работу на рынке. Даже бабы – по местному «жонки» – были заняты выгодной поденной работой. Часть их занималась промывкой на плотках крепко просоленной трески, а часть расселась у наскоро сбитых столиков и прилавков с ходовым товаром: шерстяными чулками, перчатками и рукавицами, сапогами, овчинными полушубками, ситцем, носильным платьем в виде готовых красных рубах... Торговали они и самодельными компасами – «матками», как называли их поморы. Много продавалось разной деревянной посуды, попадались и книги, стоившие очень дорого; на них спрос был большой, но только не каждому они были по карману.

Время близилось к весне, и рынок ожил, проснулся от зимней спячки, благо солнышко начало пригревать прямо с утра. Люд возле прилавков толкался разный: и рослые поморы-кемляне, и сумляне, раздобревшие на треске и чистой, не тяжелой работе, и робкие с виду жители Терского берега... Застенчивый коренастый лопарь – саам – пытался скостить копеечку с какого-то товара, но разбитная торговка с таким напором трещала языком, что он махнул рукой и отсыпал ей денег столько, сколько она просила.

Шенкурский мужичок – «ваган кособрюхий водохлеб» – покупал «матку». Торговаться он не стал; назвал свою цену, как отрезал. Видимо, хорошо знал, сколько стоит самодельный компас. Торговка повздыхала с сожалением, но уступила. Востроглазый Алексашка различал среди поморов мезенцев, прозванных сажоедами и чернотропами, подвинских жителей – с виду угрюмых, а на самом деле ласковых, но хитрых, пронырливых и острых на язык, татар, которые испокон веков держали в Архангельске торговлю бакалейными товарами и сладостями...

Работа в отцовской лавке, пусть и время от времени, приучила его разбираться в людях. Торговое дело не любит лентяев и олухов. Покупатель не должен уйти из лавки с пустыми руками, а значит, нужно видеть его насквозь и уметь найти слабинку, чтобы воспользоваться ею к собственной выгоде. Отец натаскивал Алексашку как щенка, чтобы вырастить себе замену. Он обучил его не только грамоте и счету, но и языкам. А иначе как общаться с иноземными купцами? От толмачей в делах торговых проку мало, нужно самолично обговаривать сделку. Только так можно получить наибольшую выгоду.

Проходя мимо торгового ряда, где продавалась всякая всячина, он услышал интересный разговор, который заставил его остановиться и подойти к лотку с разной дребеденью. Большею частью там были женские принадлежности – гребешки, иглы, наперстки, вязальные спицы, дешевые серьги и перстеньки, – и торговка поначалу с удивлением воззрилась на молодого человека, который делал вид, что приценивается, но потом решила, что тот просто убивает время гляделками, и насторожила уши, дабы выслушать то, о чем трещала ее соседка.

– ...Слышала, как вчерась оконфузились Тюрдеевы? Сына своего, Сенку, женили, дак лошади в свадебном поезде просто взбесились, на дыбы начали становиться, стали ржать, как ошалелые, пеной изошли. Их понукают идтить вперед, кнутами стегают, а оные – ни в какую.

– Почто так? – спросила ее товарка.

– Хе... – осклабилась торговка. – Сенка Тюрдеев много кому сала за шкуру залил, еще тот разбойник, вот ему и устроили веселье. Кто-то разложил куски медвежьего мяса на пути свадебного поезда. А известно, что лошадь боится медвежатины до ужаса, на нюх не переносит.

Испортили молодых... Почти все поезжане – свадебные гости – потерялись, и свадьба пошла насмарку. Расходы какие...

– И как таперича?

– Надобно отпустить свадьбу от дурного глаза. Тюрдеевы сильного колдуна гдей-то сыскали. Грят, тока ему под силу исправить положение.

Алексашка мстительно ухмыльнулся; поделом Сенке! Это был его давний соперник. Он дрался с ним начиная с того времени, как крепко встал на ноги. И нужно сказать, много лет Сенка брал верх, так как был старше. И только последние два-три года Алексашка начал отдавать долги. Сенка был коренастым, сильным, но не очень увертливым, в отличие от Алексашки, чем тот и пользовался.

Он сбивал Сенку с ног разными коварными приемами, забегал то справа, то слева, и когда тот совсем терял голову и начинал слепо размахивать кулаками (нужно отметить, весьма увесистыми), как мельница крыльями, мутузил его до красной юшки. Потом, конечно, они помирились (все ж не кровные враги), но только до следующего раза, – Сенка, упрямый, как бык, никак не мог поверить, что хлипкий с виду Алексашка Ильин, над которым он всегда брал верх, сильнее его. Просто, Сенке никогда не доводилось видеть Алексашку обнаженным. Ильин-младший был высок, худощав, но мускулист; казалось, что все его тело перевито корабельными канатами. А уж в проворстве с ним мало кто мог тягаться.

– Подай копеечку, милостивец... – слышалось рядом.

Алексашка, заслушавшись, не заметил, как рядом появилась старушка, сморщенная как сухой гриб. Она была не очень похожа на попрошайку – сухонькая, в чистой, хоть и рваной одежке, и взгляд светлый, пристальный, будто старушка что-то прочитала на лице Ильина-младшего. Алексашка пошарил в кошельке, но копейки не нашел, пришлось отдать алтын²¹.

– Храни тебя Господь, – поблагодарила нищенка и продолжила, доставая откуда-то из своих одежд нателную латунную иконку с изображением святого Николая Чудотворца: – Возьми, люб ты мне. Будешь держать Николу на груди, все беды пройдут мимо тебя. А ждет тебя вскорости дорога дальняя и многие опасности.

Алексашка машинально взял иконку, посмотрел на ее обратную сторону, и с трудом разобрал слова из молитвы святому Николаю: «Помози мне, грешному и унылому, в настоящем житии...» Он поднял глаза – и в удивлении захлопал веками: старушка исчезла. Куда она могла деваться за столь короткое время, когда на рыночной площади людей можно было сосчитать на пальцах? Все еще в полном недоумении Алексашка пошел дальше, грея в руках образок.

«Чудно», – думал он в большом смятении. Святой Никола был для поморов Морским богом. В каждом поморском жилище икона Николая Угодника занимала самое почетное место. Что и не удивительно: Николу все считали скорым помощником. Когда молишься Богоматери и разным святым, они твою молитву сначала понесут Богу, и уже от Него ты получишь милость. (Если, конечно, заслужил.) А вот Николу милость вперед дана. Так что, если дело срочное, особенно во время шторма, когда карбас носит по волнам, как щепку, лучше просить милости у святого Николая Чудотворца, заступника всех мореплавателей и рыбаков. Тем не менее исцелитель и освободитель Никола Угодник был сильно обидчив и даже мстителен, будто какой-нибудь языческий бог. Поэтому его лучше не злить.

Добравшись до своей лавки, Алексашка немного поразмыслил и решил не искушать судьбу. От иконки нельзя было отказаться: вдруг Никола обидится? Он нашел среди разного барахла прочную швенскую цепочку, прицепил к ней иконку и повесил себе на шею. После этого ему вдруг сильно полегчало, он повеселел, а тут и первый покупатель явился, и Алек-

²¹ Алтын – старинная русская монета и счетно-денежная единица с XV века. Один алтын равен 6 московским или 3 новгородским деньгам (последняя получила название «копейка»). В 1654 году выпущены медные, в 1704 году – серебряные алтыны.

сашка занялся привычным делом – втюхивать лопарю за два алтына то, что стоило не более трех копеек.

Глава 3. Сербский купец

Удивительно прекрасное место! – с восхищением думал Кульчицкий, наслаждаясь великолепными видами природы и поджаривая на углях ароматные колбаски люля-кебаба. Фарш для него обычно готовился с медом и оливковым маслом, но Юрек добавлял к мясу молодого барашка, порезанному на мелкие кусочки, еще перец и кое-какие травы по рецепту своей родины. Маврокордато, большой гурман, однажды попробовав произведение Юрека, теперь доверял готовить люля-кебаб только ему, а не своему повару-валаху, чем вызывал зависть последнего.

Одетая в зелень берегов, река Кягытхане в том месте, где расположилось семейство Маврокордато, текла меж зеленых полей и холмов вольно и неспешно, блистая как хорошо полированный клинок дамасской стали. Многочисленные каики, казалось, не плыли, а парили над речной гладью и прятались в древесных ветвях, низко свисавших над водой. На зеленых лужайках в толпе праздных жителей Истанбула играли музыканты – валахи и болгары, цветочницы предлагали свои прелестные букеты, конные патрули, следящие за порядком, то появлялись на холмах, то исчезали, а солнце подернула легкая дымка, и полуденная жара уступила место приятной прохладе, которую принес легкий ветерок.

Знатные османские семьи разбили в долине множество палаток; по ночам они освещались тысячами свечей, масляных ламп и светильников, и с холмов долина реки напоминала звездное небо. Кроме палаток, разбитых на берегах реки Кягытхане, торговцы обустроили множество лавок, где можно было купить, кроме еды и питья, большое количество всякой всячины. Каждый день клоуны, жонглеры, кукольные театры, шпагоглотатели и дрессировщики медведей, обезьян, ослов и собак давали свои представления, зарабатывая на этом хорошие деньги. За порядком наблюдали четыре орты²² янычар, но большинство из них празднично проводили время и купались в Кягытхане.

Конечно, так развлекались исключительно мужчины. Женщин, в том числе и обитательниц гарема, тоже вывозили на природу в Сладкие Воды, но место, где они отдыхали, занавешивалось тканью. Янычары охраняли его внешние границы, а внутри за порядок отвечали черные евнухи. Здесь женщины могли освежиться в реке, поиграть на лужайке, даже ползти по деревьям и выкурить кальян.

Женщины семейства Маврокордато не были исключением; более свободные нравы православных не должны были смущать правоверных. Поэтому слуги огородили для них небольшой участок кольями и прицепили занавеси. Однако гречанок это не смущало, скорее, наоборот, – в закрытом от посторонних глаз пространстве они чувствовали себя гораздо свободней, нежели женщины-мусульманки, преспокойно пили отменное вино Мореи²³, своей родины, и веселились как дети.

Впрочем, и сам Александр отдавал должное прекрасному вину из острова Крит, которое было наиболее дорогим из всех вин Греции; он мог себе это позволить. Маврокордато принадлежал к элите Османского государства, и по богатству мог сравниться даже со знаменитым соотечественником Михаилом Кантакузеном – Шайтан-оглу, как прозвали его турки, который получил от султана монополию на торговлю пушниной с Русским государством, зарабатывая по шестьдесят тысяч дукатов²⁴ в год.

²² Орта – отряд янычар, рота; в мирное время количество янычар в орте составляло 100–200 человек; в военный период ее численный состав увеличивался до 500 человек. Каждая орта делилась на небольшие отряды по 10–25 янычар.

²³ Морея – средневековое название полуострова Пелопоннес. В 1460 году Морея была покорена османами, и по фирману султана многие греки были переселены в Истанбул.

²⁴ Дукат – золотая монета, которая чеканилась с 1284 году в Венеции и получила широкое распространение во всей Европе в качестве высокопробной золотой монеты весом 3,5 г.

Иstanbul в части населения напоминал лоскутное одеяло. Здесь проживало столько разного народа, что не перечесать. Самой значительной группой были греки – выходцы из Мореи, с островов Эгейского моря и Малой Азии. Греки Константинополя (столицу Османской империи они именовали только так, и не иначе) играли важную роль в торговле, рыболовстве и мореходстве, занимали прочные позиции в ремесленном производстве. Большинство питейных заведений принадлежало грекам.

Значительную часть города занимали кварталы армян. Они составляли вторую по численности общину нетурецкого населения столицы. После превращения Истанбула в крупный перевалочный пункт армяне стали активно участвовать в международной торговле в качестве посредников. Со временем они заняли важное место в банковском деле. Весьма заметную роль играли армяне и в ремесленном производстве Истанбула.

Третье место принадлежало евреям. Вначале они занимали десяток кварталов у Золотого Рога, а затем стали селиться в ряде других районов старого города. Появились еврейские кварталы и на северном берегу бухты. Евреи традиционно участвовали в посреднических операциях международной торговли, играли важную роль в банковском деле.

Кроме того, в Истанбуле было немало арабов, преимущественно выходцев из Египта и Сирии, здесь жили албанцы, в большинстве своем мусульмане, сербы, валахи, грузины, абхазцы, персы, цыгане... В столице Османской империи можно было встретить представителей практически всех народов Средиземноморья и Ближнего Востока. Еще более пестрой картину турецкой столицы делала колония европейцев – итальянцев, французов, голландцев и англичан, занимавшихся торговлей, врачебной или аптекарской практикой. В Истанбуле их обычно именовали «франками», объединяя под этим названием выходцев из разных стран Западной Европы.

Кроме постоянных жителей Истанбула, которые не были турками, в нем постоянно присутствовало большое количество приезжих иностранцев, в основном неогоциантов. И как раз один из них удостоился чести отдохнуть вместе с уважаемым семейством Маврокордато на берегу Кягытхане.

Это был торговый представитель австрийской «Восточной Торговой Компании» из Белграда. Звали его Младен Анастасиевич. Он происходил из богатой сербской семьи, был молод, в Истанбул приехал впервые, турецкий язык знал неважно, и Кульчицкому временами приходилось выступать не только в роли повара, но и в качестве переводчика. Особенно когда дело касалось торговых вопросов.

– ...Удивительно вкусно! – восхищался Младен Анастасиевич горячим люля-кебабом, который Юрек подал на большом керамическом блюде, устеленном виноградными листьями; в качестве соуса Кульчицкий поставил пиалу со сгущенным гранатовым соком. – Непременно попрошу у вас рецепт! Надеюсь, это не тайна?

– От хорошего человека, тем более – единовеца, у меня нет тайн, – вежливо отвечал Маврокордато.

Юрек едва сдержался, чтобы не рассмеяться. Кульчицкий уже достаточно хорошо изучил Александра Маврокордато, поэтому знал, что тот даже на исповеди врет. Конечно, в этом был свой резон; никто не мог дать гарантию, что священник не нарушит тайну исповеди и не передаст слова Маврокордато его соперникам на торговом поприще, а еще хуже – тайной службе султана. Такие случаи были редкими, но все же...

– Чем занимается ваша «Восточная Торговая Компания» и кто ее основатель? – спросил Маврокордато.

– О-о, наш основатель и руководитель, Иоганн Иоахим Бехер, – великий человек! – с воодушевлением воскликнул серб. – Он алхимик, лекарь и математик, а также торговый советник императора Священной римской империи Леопольда I. Господин Бехер построил в Вене школу императорских искусств и ремесел со стеклодувной мастерской и химической лабора-

торией, реформировал программу школьного образования, он основал «Восточную Торговую Компанию». А компания в свою очередь организовала ряд мануфактур, которые вырабатывают шелковые нитки, чулки, ленты, шелковые и шерстяные ткани, льняные полотна, бархат, обувь, зеркала. Компания весьма прибыльная, она наполовину государственная, наполовину частная... – Тут Младен Анастасиевич гордо выпрямился и сообщил не без некоторой помпы: – Я тоже являюсь одним из ее акционеров.

– Ткани, говорите? Очень интересно... – Грек задумчиво потер переносицу. – И насколько я знаю, с Константинополем вы пока не имеете торговых отношений...

– Увы, – сокрушенно развел руками серб. – Слишком много поставлено для нас препятствий Высокой Портой²⁵. Это печально. Выручайте, уважаемый господин Маврокордато. Хорошие люди рекомендовали мне обратиться именно к вам по этому вопросу.

Грек снисходительно улыбнулся.

– Они не ошиблись. Вы на верном пути, господин Анастасиевич, – сказал он доверительным тоном. – Все будет хорошо. Совместными усилиями мы сметем любые преграды перед «Восточной Торговой Компанией»! У меня есть добрые друзья в диване повелителя правоверных. За хорошую мзду они откроют для вашей компании рынки Османской империи, и вам останется только считать солидную прибыль. Да вы кушайте, кушайте! Люля-кебаб быстро стынет...

«Ох и обдерет же мой господин этого серба – как медведь липку! – весело подумал Юрек, с трудом сохраняя невозмутимый вид. – Ему палец в рот не клади, по локоть руку отхватит. За мзду заговорил... Половину точно себе оставит. Купцы... они такие».

Следующий день Кульчицкий провел в компании Младена Анастасиевича. Маврокордато отправился улаживать проблемы «Восточной Торговой Компании», а сербскому купцу, пока суд да дело, посоветовал посетить хамам, турецкую баню, излюбленное место отдыха и развлечений жителей Истанбула.

Хамамов в столице Османской империи было много – и роскошных, и не очень; одни имели многочисленную клиентуру, а другие посещали только избранные. Некоторые хамамы предназначались исключительно для христиан и иудеев, в другие ходили только мусульмане, третьи открывали свои двери (в разные дни недели) и перед правоверными, и перед неверными. Точно так же существовали мужские и женские дни для посещения бани.

В хамамах происходили встречи друзей по предварительной договоренности или случайно, в них завязывались новые знакомства. Некоторые бани пользовались сомнительной репутацией пристанищ разврата (и это несмотря на неусыпный надзор над ними мухтасиба, исполнявшего обязанности главного смотрящего по поддержанию нравственности в общественных местах). Иногда случалось, что пьяницы и вообще лица, потерявшие стыд и совесть, даже взламывали двери хамамов, когда там мылись женщины. Но такие скандалы были чрезвычайно редкими и происходили только в банях, о которых ходила дурная молва.

В Белграде тоже имелись хамамы, так что серб имел представление, что это такое, но Юрек ради шутки повел Младена Анастасиевича в баню, где теллахом (парильщиком) служил чистый зверь – богатырского роста детина с ладонями-клещами. Баня была из дорогих, где обычно мылись богатые греки-фанариоты. Она состояла из нескольких помещений. В первом зале центральное место занимал фонтан в виде нескольких раковин, укрепленных на вертикальной мраморной плите. Вода лилась из верхней чаши в раковины и стекала вниз водопадами. Вдоль стен и вокруг фонтанов стояли диваны, покрытые подушками, на которых посетитель мог посидеть и покурить, пока гаммаджи (банщик) не позовет его раздеваться.

Одежду сербского купца и Юрека (увы, ему пришлось идти за своим подопечным в самое пекло) тщательно увязали в две шали и оставили в специальных нишах в стене до их возвраще-

²⁵ Высокая Порта – правительство Османской империи.

ния. Затем пришел теллах с фартуками и салфетками (Юрек при виде его богатырской фигуры вздрогнул и инстинктивно сжался; ему уже доводилось бывать в лапищах этого парильщика). Фартуки он надел клиентам на бедра, а салфетками обвязал им головы – чтобы жар не достал до самого мозга.

Парильщик, поначалу весьма обходительный и вежливый, повел серба и Юрека в другое помещение, с более высокой температурой. А когда их тела хорошо разогрелись, завел в третий зал. В хамаме (можно назвать его греческим) это последнее помещение было устроено очень изящно; его украшали красивые каменные колонны, а пол устилали мраморные плиты, которые были такими горячими, что Младену Анастасиевичу и Юреку пришлось надеть кандуры – деревянные башмаки.

В этом зале находились мраморные бассейны с бронзовыми кранами для горячей и холодной воды, а в центре – возвышение, прикрытое сверху круглой мраморной плитой. Любопытный Кульчицкий в свое время разузнал, что этот хамам отапливался подземной печью, из которой горячий воздух проходил под мраморными плитами пола и по трубам в стенах. Таким же образом нагревалась и вода, поступающая в залы.

Пар в помещении был таким горячим, что вскоре с Анастасиевича и Юрека пот полился в три ручья. Наблюдавший за ними теллах свирепо ухмыльнулся и подошел сначала к Юреку, но тот шарахнулся от него и указал на сербского купца. Парильщик поднял Младена Анастасиевича на руки как ребенка и уложил серба на возвышение с круглой мраморной плитой в центре зала. А затем, надев жесткие перчатки из шелка-сырца, начал скрести его вдоль и поперек. Он крутил и вертел сербского купца во все стороны с таким ожесточением, будто решил не оставить в целости ни единого сустава. В конечном итоге теллах вошел в такой раж, что поднял Младена Анастасиевича с помоста за ноги, ловко перевернул в воздухе, бросил его ничком на горячий мрамор и вскочил ему на спину.

– Спа-си-те... – простонал несчастный серб. – Умираю...

Юрек мысленно ему посочувствовал. Но он точно знал, что ничего худого с его подопечным не случится. Звероподобный теллах хорошо знал свое дело; он массировал ногами позвонки серба аккуратно, не особо нажимая, и Кульчицкому было известно из собственного опыта, что после такой процедуры человек чувствует себя словно заново родившимся.

Разделавшись с Анастасиевичем, который мало что соображал после банных процедур, парильщик подошел к Юреку.

– Нет! – резко сказал Кульчицкий. – Я всего лишь сопровождаю господина.

Теллах что-то промышчал себе под нос – наверное, сожалел, что ему не пришлось пересчитать все кости Юрека, и на этом банный день для Кульчицкого закончился (к большой его радости). Оставалось позаботиться о сербском купце, чтобы тот полностью пришел в себя, смыть пот, окунувшись в бассейн с холодной водой, потому что от жара начала голова раскалываться, и посмаковать чашкой-другой ароматного кофе – в этом хамаме он был просто великолепным...

Свой кофе Юрек все-таки выпил, чего нельзя было сказать про Младена Анастасиевича. Поначалу серб наотрез отказался покейфовать, но затем все же согласился с предложением Кульчицкого.

– Какая гадость! – с чувством сказал серб и отставил чашку с очень крепким и черным, как деготь, напитком. – Никак не могу привыкнуть...

А немного погодя он вкрадчиво спросил:

– Нет ли в Истанбуле заведения, где можно отведать... м-м... доброго вина?

Сербский купец ощущал после бани необыкновенную легкость, которая почему-то сопровождалась желанием выпить чего-нибудь покрепче и поприятней, нежели горький кофе, пусть даже не сладкой мальвазии, а обычной сливовой или виноградной ракии.

– Чего проще! – с воодушевлением воскликнул Юрек.

Кульчицкому самому не хотелось возвращаться домой, ведь было рано, всего третий час пополудни. К тому же он давно намеревался побывать в Галате, чтобы проведать находившиеся там питейные заведения. В этом припортовом районе было много простого люда, и жизнь не текла размеренно и сонно, как в Фанаре, где проживала большая часть богатой греческой общины столицы османов и где находился дом Маврокордато.

Галата считалась городом приезжих «франкских» купцов – то есть французов, англичан, голландцев, венецианцев, генуэзцев и прочая. Обычно к ее пристаням причаливали торговые суда европейцев. В Галате было много лавок и разных мастерских: по конопачению корпусов судов, по ремонту снастей и парусов, по изготовлению такелажа. Там же находились большие провиантские склады, но главное – таверны (они назывались «мейхана», в отличие от кофеен, где подавали только кахву), куда приходили отдохнуть и развлечься матросы, ремесленники и жители Истанбула, которых не касался запрет на употребление спиртных напитков. (Впрочем, таверны посещали и правоверные, падкие на соблазны.)

Знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби, который сам был еще тот ходок по значным местам (хотя и пытался это скрыть), знал эти места досконально. В одной из своих книг он написал: «На самом берегу моря стоят, тесно прижавшись друг к другу, около двухсот публичных домов и таверн. В каждом из них от пятисот до шестисот негодяев проводят свое время в удовольствиях, вместе с музыкантами и певцами устраивая такой шум, какой не описать ни на одном из языков...» Свои наблюдения он резюмировал поразительно точной формулировкой: «Сказать Галата – это все равно, что сказать таверны. И да простит нас Аллах!»

Юрек понятия не имел, кто такой Эвлия Челеби; он вообще не знал, что такой человек существует, тем не менее с мнением знаменитого путешественника был согласен заочно. Галата считалась гнездом всевозможнейших пороков, на которые закрывали глаза не только местные жители, большей частью греки и евреи, имевшие хороший гешефт с человеческих страстей, но даже главный мухтасиб Истанбула. А все потому, что публичные дома и питейные заведения приносили в казну очень большой доход. Кто же режет курицу, которая несет золотые яйца...

Галата простиралась к северу от Золотого Рога. Она была окружена древней крепостной стеной и большей частью населена греками, которым принадлежат многие гостиницы, таверны и караван-сарай. Именно здесь обычно останавливались «франки», то есть, европейские христиане. Галата сохраняла репутацию «города неверных», и турки в ней селились в очень малом числе. Зато там, кроме греков, проживало множество армян и евреев, с их церквями и синагогами.

Выше Галаты, сразу за ее крепостной стеной, простирались фруктовые сады и виноградники пригорода, который назывался Пера. Великолепное положение пригорода – на холме, с которого открывается захватывающий вид на Босфор и на столицу османов, привлекало иностранцев, и они прочно обосновались в Пера. Здесь было много резиденций иностранных послов, православных и католических храмов, и «франки», а также представители национальных меньшинств, находились в Пера еще дальше от контактов с турками, чем в Галате; здесь они чувствовали себя как на родине.

В Пера тоже имелись таверны, но в них все было чересчур чинно и благородно, поэтому Юрек потащил серба в Галату. Младен Анастасиевич производил впечатление человека простого, свойского, и Кульчицкий не ошибся в своей оценке. Они остановили свой выбор на мейхане грека, которого звали Лука. Юреку уже приходилось здесь бывать, и он точно знал, что и вино, и еда в таверне Луки отменного качества.

Младен Анастасиевич сделал заказ с размахом – словно на большую компанию. Ему подали целого барашка, запеченного на вертеле, греческий соленый сыр фета, пироги с мясной начинкой и много зелени. Что касается спиртного, то серб категорически потребовал, чтобы ему принесли виноградную ракию, да покрепче, хотя Лука, быстро смекнув, что клиент при

больших деньгах, предлагал на выбор много дорогих вин, которые не водились даже в винном погребе семьи Маврокордато.

По правде говоря, и Юрек был не против ракии. Его казацкое прошлое требовало чего-то более серьезного, нежели сладкие напитки, тем более, под такую отменную закуску. Они выпили, и Младен Анастасиевич вгрызся в барашка с таким азартом, что Юрек поторопился последовать его примеру из опасения оказаться перед грудой костей, так и не попробовав мяса.

Насытившись, купец звучно отрыгнул и с удовлетворением откинулся на спинку скамьи. Он внимательно посмотрел на Юрека, а затем вдруг спросил:

– Это правда, что ты знаешь много языков?

– Как Бог свят, – ответил Юрек.

– И какие именно?

Кульчицкий перечислил.

– Впечатляет... – с уважением сказал Младен Анастасиевич.

Какое-то время он молчал, что-то обдумывая, а затем задумчиво сказал:

– Тебя зовут Франц... Или Францишек? Впрочем, можешь не отвечать. Уверен, это не твое имя. Мне приходилось иметь дело с русскими купцами, и мне почему-то кажется, что ты – русский. Не так ли?

Юрек немного поколебался, но врать такому приятному господину было нехорошо, и он ответил:

– Так, пан Младен. Я происхожу из шляхетского русского рода.

– Ах, как здорово! – почему-то обрадовался серб. – И последний вопрос: вере православной не изменил?

– Как можно?!

Младен Анастасиевич схватил посеребренные чарки, наполнил их ракией и торжественно произнес:

– Предлагаю выпить за нашу православную веру! Истинную веру!

Это было сказано чересчур громко, и Юрек невольно втянул голову в плечи; а ну как рядом сидит шпион субаши? Тогда греха не оберешься, можно и головы лишиться. Но делать было нечего; он выпил свою чарку и поторопился закусить сыром, потому что ракия была такой крепкой, что дух вышибала...

Они просидели в таверне до темноты. Сербский купец заказал еще еды и ракии, и в конечном итоге так наклюкался, что его потянуло на приключения, и он потребовал, чтобы Юрек отвел его в публичный дом. Но тут уже коса нашла на камень. Кульчицкому хорошо были известны нравы Галаты, и он совершенно не сомневался, что падшие женщины выпотрошат кошелек Младена Анастасиевича как портовые засольщики чрево большой рыбы. Поэтому Юрек, который отвечал за безопасность купца, подхватил его под руку и потащил в Фанар, в усадьбу Александра Маврокордато, где сербу предоставили гостевую комнату, хотя тот и упирался, грозя ему разными неприятностями.

А утром следующего дня Кульчицкому уже было не до серба, потому что его присутствие требовалось в лавке Маврокордато, находившейся в Крытом рынке, который назывался Сандаловым бедестаном, или Капалы Чарши. Пришла партия дорогих геноуэских тканей, и Юрек должен был уладить кое-какие вопросы с купцом-франком, которому принадлежал товар. Он и думать забыл о Младене Анастасиевиче, тем более что серб и его господин должны были встретиться с чиновником дивана, где в качестве толмача выступал особо доверенный представитель семьи Маврокордато, вхожий в высокие придворные сферы.

Бедестаны представляли собой крытые торговые ряды, состоящие из десятков лавочек и мастерских и заключенные внутри огромного каменного здания. Капалы Чарши возник в том месте, где прежде существовал большой византийский рынок. Сандаловый бедестан приказал заложить султан Мехмед II Завоеватель. В результате было построено сооружение со

стенами в полтора метра толщиной, в каждой стене имелись ворота, а крыша бедестана представляла собой пятнадцать куполов. Спустя какое-то время вокруг Капалы Чарши стали появляться целые улицы, собравшие под своей крышей ремесленников одной профессии и торговцев каким-то одним видом товара. Эти улицы получали и соответствующие названия: улица Ювелиров, улица Суконщиков, улица Зеркальщиков, улица Продавцов меха и тому подобное.

Вместе с торговыми улицами на Капалы Чарши стали сооружаться и многочисленные караван-сарайи, появились мечети, школы, хамамы, фонтаны и колодцы, здесь даже имелось кладбище.

Сандаловый бедестан был настоящим каменным лабиринтом в чисто византийском стиле. Здесь можно было не только что-то купить, но и укрыться от дневного зноя, выпить чашечку кофе возле фонтана, побеседовать с приятелем и выкурить кальян. В огромных галереях с округлыми и стрельчатыми сводами, с резными балками и колоннадами хранились самые разнообразные товары. Прекрасные женские наряды, кашемировые шали, ковры, мебель, инкрустированная золотом, серебром и перламутром, ювелирные изделия, но больше всего оружия, собранного со всего мира.

Золотые и серебряные сокровища грудами лежали на прилавках. Драгоценная парча, не говоря уже о златотканых материях, атласе, бархате, камке, плюше, разнообразной пестрой тафте и шерстяных тканях, услаждали взор модниц. Бесценные щиты, стальные мечи разнообразных форм, кинжалы с драгоценными камнями, вправленными в рукояти, шлемы с золотой чеканкой, превосходные луки... Разве может не затрепетать от восхищения сердце воина при виде таких превосходных орудий его опасного ремесла?

Драгоценные камни, крупные жемчужины, изумруды и рубины величиной с голубиное яйцо, алмазные перстни и еще много невиданных и редкостных вещей, которых в мире не найдешь, а здесь их было полным-полно, и продавались они во множестве и изобилии. О чем бы ни помыслил человек, чего бы ни пожелало его сердце, он все это найдет в Капалы Чарши. Но даже если он зашел в бедестан просто отдохнуть, без покупки ему не уйти. Ушлые торговцы все равно уговорят его приобрести какую-нибудь совершенно ненужную безделушку, чтобы потом, покинув Капалы Чарши, он долго разглядывал ее и потрясенно думал: «На кой черт она мне нужна?!»

Лавка Александра Маврокордато торговала тканями. Она находилась в самом престижном месте Сандалового бедестана – под двумя арками византийской эпохи. Купол с цветными оконцами создавал феерическое освещение, и ткани, разложенные на прилавках и развешанные по стенам, манили покупателей своей таинственной красотой, которую нельзя было заметить при обычном дневном освещении. Благодаря этому торговля в лавке грека-фанариота шла бойко, и главным было вовремя заказать необходимый товар, чем и занимался Юрий Кульчицкий.

Он провозился в лавке до вечера – больно купец попался несговорчивый. Обычно оптовыми поставщиками тканей занимался сам хозяин, но в этот день он решал более важные вопросы; все-таки белградская «Восточная Торговая Компания», которая имела филиалы по всей Европе, была чересчур дорогой и сладкой изюминкой, чтобы упустить ее и не завязать торговые отношения. Поэтому Юрек старался не ударить в грязь лицом и в конечном итоге сладил дело с большой выгодой для Маврокордато. Довольный собой, он зашел в дом и поднялся по крутой лестнице в свою комнату, которая находилась в башенке.

Дом Александра Маврокордато был трехэтажным, с зеленым двориком, в котором журчал фонтан, и выходил он на две улицы, которые образовали острый угол. Круглая башенка, где жил Юрек, находилась как раз на углу, и со своих окон он мог наблюдать жизнь Фанара во всем ее многообразии.

Греческий квартал был богатым, дома большей частью строили двух и трехэтажными, но улочки в нем были узкие, крутые, зато вымощенные брусчаткой в отличие от многих других

улиц Истанбула, по которым в сезон дождей приходилось брести в грязи по щиколотки. По вечерам фанариоты со средним достатком собирались в тавернах (богатые и знатные греки считали времяпрепровождение в мейхане ниже своего достоинства), и тогда Юрек, сидя у открытого окна, наслаждался греческой музыкой, которая была так похожа на мелодии его родины.

Он опоздал к ужину, а идти на поварню к вредному старикашке-повару, которого звали Коста, чтобы выпросить хотя бы черствую лепешку, ему не хотелось, и Юрек упал на кровать, не раздеваясь, дабы переждать, пока перестанут завывать муэдзины; засыпать под их вопли он так и не приспособился. Мысли вяло и бестолково ворочались в голове, и только одна обрела ясность и законченность: уж не нажаловался ли на него сербский купец хозяину за вчерашнее? Ведь Александр Маврокордато наказал ему исполнять все прихоти Младена Анастасиевича.

Юрек не сильно опасался, что его подвергнут какому-нибудь серьезному наказанию, – с некоторых пор он начал считать себя незаменимым – но ему не хотелось терять доверие господина. Что ни говори, а его жизнь, пусть и подневольная, все-таки сильно отличалась от судьбы несчастных, которых угораздило попасть в качестве гребцов на каторгу – военные галеры османского флота. С ними обращались как со скотом, и выживали в таких нечеловеческих условиях только сильные духом и крепкие телом. Или очень счастливые – те, кого выкупили или кому удалось бежать.

Неожиданно раздался стук в дверь, и в комнату вошла служанка, довольно милостивая девушка по имени Зенобия. Юрек давно положил на нее глаз, но она была чересчур стеснительной, да и заводить шашни с невольниками в греческих семьях Фанара считалось непозволительным, хотя девушка явно относилась к нему с большой симпатией.

– Вас приглашает господин... – Зенобия почему-то смутилась и низко опустила голову.

– Зачем?

– Не знаю...

На душе вдруг стало тревожно и муторно; Юрек нахмурился и спустился в обширную гостиную, обставленную превосходной мебелью в византийском стиле. Там был накрыт стол, за которым сидели сам Маврокордато, его родственник, который занимался составлением договоров и купчих, и Младен Анастасиевич. По их покрасневшимся лицам было видно, что они вполне довольны переговорами, которые не грех sprыснуть добрым вином; похоже, и сам Маврокордато и его гости уже употребили его в изрядном количестве.

– А скажи мне, – обратился к Юреку грек, – тебе хотелось бы получить вольную?

Юрек заледенел. К чему эти слова?! Разве не ясно, что любой раб стремиться на волю как птица, заключенная в клетку? Впрочем, были и такие среди пленных, которые предпочитали служить доброму господину до конца своих дней, при этом считая, что им выпала необыкновенная удача. В особенности это относилось к пахолкам²⁶, прежде находившимся в услужении богатых польских шляхтичей, которые не считали их за людей и относились к ним как к рабочему скоту.

– Господин шутит... – сдержанно ответил Кульчицкий.

– Ни в коей мере. Просто хочу знать, как тебе живется и работается у меня.

– Я всем доволен и очень вам благодарен за вашу доброту... – Юреку казалось, что где-то внутри у него натянута струна, которая вот-вот лопнет.

– Хороший ответ. Не так ли? – Маврокордато весело улыбнулся и посмотрел на сербского купца. – Уверен, он стоит тех денег, что вы за него готовы заплатить. Умен и оборотист. Он вам здорово пригодится.

Младен Анастасиевич, как показалось Юреку, облегченно вздохнул и кивнул головой, соглашаясь с греком.

²⁶ Пахолок – батрак, холоп.

Кульчицкий все никак не мог понять, о чем идет речь. Неужели Маврокордато продает его сербу? Младен Анастасиевич, вроде, хороший человек, но разве заглянешь человеку в душу? А ну как серб перепродает его кому-то другому, какому-нибудь зверю в человеческом обличье. Юрек уже привык служить толмачом и торговым посредником у Александра Маврокордато; он даже надеялся, что когда-нибудь сможет получить вольную за свои честные труды, чтобы продолжать работать на хозяина, но уже в другом качестве. А тут такое...

– Не буду тебя больше томить, – решительно сказал Маврокордато. – Господин Анастасиевич имеет желание выкупить Франца-Александра Кульчицкого из неволи. – Эту фразу он произнес не без некоторого пафоса.

Юрек почувствовал, что пол уходит из-под его ног. Он даже схватился за буфет, чтобы не упасть. Серб хочет его выкупить?! Зачем, почему?! Уж не злая ли это шутка? Кульчицкий посмотрел на Младена Анастасиевича и понял, что Маврокордато говорит правду – взгляд серба был дружественный и открытый.

– Однако есть одно «но», – продолжил Маврокордато. – Свою свободу тебе придется отработать в Белграде, в «Восточной Торговой Компании», о чем будет соответствующая запись в вольной. Естественно, в качестве толмача и, возможно, торгового представителя в других странах. Всего пять лет – и лети на все четыре стороны, как птица. Ну как, такие условия тебя устраивают?

– Господин... – Голос Юрека дрожал и срывался. – Не знаю, что и ответить. Я человек подневольный, как вы решите, так и будет... но все-таки должен сказать, что искренне благодарен вам за то участие, которое вы приняли в моей судьбе.

– Эти слова еще раз доказывают, что этот парень чертовски умен... – Маврокордато благожелательно улыбнулся. – Лучше не скажешь. Значит, ты согласен?

– Да!

– Что ж, документы готовы, осталось только засвидетельствовать их у кади²⁷ и занести в дефтер – реестровую книгу.

За окном раздался противный вопль муэдзина, но в этот момент он показался Юрию Кульчицкому небесным хоралом.

²⁷ Кади – судья-чиновник; стоял во главе административно-судебного округа и выполнял нотариальные функции. Взимал сборы с населения за различные юридические акты, за составление и засвидетельствование бумаг и прочее.

Глава 4. Гишпанец

Едва у Алексашки выпадало свободное время, он торопился на окраину Архангельска к своему, можно сказать, другу, который был почти вдвое старше юного Ильина. Он держал небольшую кузницу, и всегда ходил закопченный, а если добавить, что кузнец был очень смуглый и черноволосый от природы, чем сильно отличался от поморов, то и вовсе понятно, почему товарищем Алексашки мамы пугали малых детей. «Леший, чисто тебе леший!» – судачили женщины и старались обходить кузницу десятой дорогой. Одни кликали кузнеца Федкой, другие – Вороном, а на самом деле его звали Федерико. Он был гишпанец²⁸. Федерико служил матросом на каком-то иноземном судне и, оказавшись в Архангельске, сбежал на берег.

Что его подвигло на этот поступок, никто не знал, даже Алексашка, хотя между ними установились самые доверительные отношения. Архангельский воевода, боярин Хованский Петр Иванович, отнесся к беглому гишпанцу по-доброму – выписал ему соответствующие бумаги и разрешил заниматься кузнечным делом, в котором Федерико, как оказалось, был большим докой. Наверно, именно эта профессия помогла гишпанцу без проволочек получить нужные документы и быстро освоиться в Архангельске; мастерские у поморов, исконных мореходов и рыбаков, всегда были на вес золота.

Ворон ковал различные металлические части для карбасов, телег и саней, но основным его коньком было изготовление ножей. Чтобы получить нож от гишпанца, поморы выстаивались в очередь. За свои изделия он брал большую цену, но ножи того стоили. Они не ржавели от едкой соли, были очень прочными, острыми и хорошо сбалансированными; брошенный верной рукой, нож гишпанца попадал туда, куда нужно. А уж обращаться с ножами поморы умели превосходно.

Иринья, мать Алексашки, запрещала ему даже приближаться к кузнице, из трубы которой валил черный дым и дном, и белыми ночами, и откуда доносился стук кузнечного молота, иногда превращавшийся в мелодичный звон – когда гишпанец ковал клинки. Но Ильина-младшего словно нечистый тянул на окраину Архангельска; усевшись на пригорке напротив дверей кузницы, он мог часами слушать упоительный звон металла, который в летней тишине казался ему небесными колоколами.

Конечно же Ворон заметил Алексашку. Он вообще всегда был настороже, словно ждал неожиданного нападения. Однажды гишпанец открыл дверь кузницы и буднично сказал:

– Заходи...

С той поры они и подружились, если можно назвать дружбой приятельские отношения юнца, у которого еще молоко на губах не обсохло, и зрелого мужчины, видавшего виды. Разговаривали они немного, – Ворон был молчуном – и больше по делу; иногда кузнецу требовался помощник (подержать там что-то, принести, ударить несколько раз молотом в нужном месте заготовки, покачать кузнечный мех), и Алексашка с удовольствием делал всю эту работу. Ему нравилась атмосфера кузницы, сильно отличавшейся от неспешного и унылого времяпрепровождения в отцовской лавке, где Ильину-младшему опытные лавочные сидельцы и приказчики на живых примерах преподавали азы мелочной торговли.

Огонь в горне просто завораживал Алексашку; а уж процессковки, когда раскаленная докрасна полоса металла под ударами молота брызжет во все стороны яркими искрами, и вовсе приводил его в немое восхищение. Иногда впечатлительному юноше казалось, что гишпанец не от мира сего. Освещение в кузнице было слабым (всего-то одно оконце, забранное слюдой) и красноватым благодаря пылающим углям, и на фоне огнедышащего горна Федерико с его резко очерченным профилем и орлиным носом был похож на демона, изгнанного из ада.

²⁸ Гишпанцы – так до начала XX века именовали на Руси испанцев (*устар.*).

Но больше всего Алексашка восхищался ножом гишпанца. Такого чуда ему никогда не доводилось видеть, хотя у отца, которому в молодости пришлось повоевать, было много клинков – Ильин-старший питал слабость к холодному оружию, и приобретал (большей частью у иностранных моряков) ножи и сабли разного вида. Все его приобретения были развешаны на стене горницы, и Демьян Онисимович с гордостью демонстрировал экзотическое оружие своим гостям. Их бурные восторги были для Ильина-старшего что елей на сердце.

К большому огорчению Алексашки, ему запрещалось даже прикасаться к отцовской коллекции, хотя для приучения отпрыска к воинскому делу Демьян Онисимович нанял стрельца – времена стали опасными, и каждый купец должен был уметь постоять за себя и свое дело. Сабельку Алексашке поначалу выдали потешную, тяжелую и тупую, а вот занимался с ним стрелец на полном серьезе, гонял его до седьмого пота. Ильин-младший долго ходил в синяках и ссадинах (рука у стрельца была тяжелой, а сабля, хоть и тупая, била по ребрам очень больно), пока не приспособился. Ему здорово помогла его отменная реакция; он перемещался с такой скоростью, что у стрельца, сорокалетнего мужика, в глазах рябило.

Спустя год после начала обучения приемам сабельного боя уже Алексашка начал гонять своего более медлительного наставника, как борзая зайца. Тогда стрелец дал ему настоящую саблю. И вот тогда Ильин-младший понял, что оружие – не игрушка, и его мальчишеские прыжки-ужимки не годятся. Дабы выжить в бою, нужно каким-то образом совместить мастерство во владении оружием, страх за свою жизнь и ярость, переходящую в бесстрашие, что в молодости не всегда удается. Алексашка это понял, как только получил настоящий сабельный удар. Конечно, рана была пустяшная – всего лишь неглубокий порез, но боль быстро все поставила на свои места.

После этого Алексашка стал драться по-иному: не сказать бы, что хладнокровно, но с опаской; он не лез по-глупому на рожон, руку с саблей держал как учили, и нападал лишь тогда, когда был уверен в благополучном исходе атаки. Стрелец был доволен; именно этому, кроме фехтовальных приемов, он и старался научить своего подопечного.

Впервые нож испанца Алексашка увидел случайно – когда тот, помывшись в бочке с водой, попросил принести ему свежую рубаху. На ту пору Ильин-младший уже был вхож в избу кузнеца и знал, где что лежит. Взяв рубаху, он нечаянно уронил на пол сверток, и из него вывалилась какая-то странная и очень красивая вещица, длиною в две пяди²⁹. Она была украшена накладками из пластин слоновой кости, инкрустированных серебром, и по виду напоминала ножны кривого кинжала, тем более что нижняя, узкая часть была заключена в позолоченную оковку с шариком на конце. Собственно говоря, так оно и было, вот только клинок почему-то был вложен не в верхнюю, более широкую часть ножен, а сбоку, по всей длине. Мало того, извлечь его Алексашка так и не смог.

Устыдившись своего любопытства, Алексашка вернул сверток на место и поторопился сделать то, за чем его послали. Надевая рубаху, гишпанец пристально посмотрел на юношу, и тот, не выдержав его взгляд, виновато опустил глаза. Ворон мрачно улыбнулся, молча поманил юношу за собой и направился в избу. Там он достал уже знакомый Алексашке сверток (Ильина-младшего даже в жар бросило от стыда), развернул его и буднично сказал:

– Это наваха, складной нож моей далекой родины...

С этими словами Федерико нажал на потайную пружину, и сверкающий клинок выскочил из рукояти с тихим шипением – как змея перед броском. Алексашка даже отшатнулся от гишпанца.

– Его сделал лучший оружейный мастер Толедо... мой учитель, – сказал Ворон. – Это все, что у меня осталось от прежних времен.

– Красивый нож... – наконец выдавил из себя Алексашка.

²⁹ Пядь – древняя русская мера длины. Малая пядь – 17,78 см.

– И смертоносный. С навахой опытный боец сражается на равных даже против сабли и меча.

Федерико говорил на русском языке достаточно правильно, но с заметным акцентом, который изрядно усиливался, когда он начинал волноваться.

– Не может быть!

– Еще как может... – Федерико хищно ухмыльнулся. – Эта наваха могла бы рассказать много интересных историй на этот счет... если бы умела говорить. Между прочим, навахи бывают разной величины. Есть и такие экземпляры, которые в два раза длиннее моей. В Испании навахи носят не только большинство мужчин, но и женщины, которые заботятся о своей чести.

– Зачем женщинам такое опасное оружие и какое отношение оно имеет к их чести?

– Видишь ли, испанские сеньориты и донны очень щепетильно относятся к защите своей чести и добродетели. Для защиты от мужских домогательств они носят нож «салва вирго», что в переводе значит «защитник чести». От мужских навах он отличается небольшими размерами и изяществом отделки. Этот нож женщины носят под платьем на груди, но чаще всего на ноге, под подвязкой чулка, когда наваху скрывает юбка... – Тут он грустно улыбнулся, немного помолчал, а затем продолжил: – Однажды юбка вопреки воле ее хозяйки поднялась выше допустимого предела, и я получил хороший урок...

Федерико машинально погладил узкий шрам, который уродовал его левую щеку. Алексашка в удивлении покачал головой. Да ежели завести на Руси гишпанские нравы и обычаи, то в Архангельске не останется ни одного не увечного мужика! Что ж в том зазорного – потискать девку? Они ить сами напрашиваются. Ты ее в охапку ради шутки, а она тебя ножом по физиономии... Хорошенькое дельце!

Несмотря на юный возраст, Алексашка имел успех у девушек и считался видным женихом. Как не выступать козырем, если все знают, чей ты сын? А по богатству Демьян Онисимович пусть и не ходил в первых рядах купечества, – он не принадлежал к гостинной сотне³⁰ – но был близок к этому. Такому жениху, как Ильин-младший, любая семья будет рада. Да и лицом он пригож, и статью в отца пошел, только Ильин-старший с годами стал кряжистым, а Алексашка был стройный, порывистый, веселый, – как раз то, что девкам нравится.

– Хочешь, научу тебя настоящему ножевому бою? – вдруг спросил Ворон. – Бой на ножах – это высокое искусство. Поморы мастерски владеют ножом, нужно отдать им должное, но это всего лишь первая ступень в познании истинных возможностей короткого клинка.

Конечно же Алексашка согласился. И с той поры, как только выпадала свободная минутка, Ильин-младший мчался в кузницу гишпанца. Тут еще нужно было угадать, когда Федка-Федерико не работает над срочным заказом. Но даже при срочной работе он уделял Алексашке минимум полчаса, чтобы тот закрепил приобретенные навыки.

А наука боя на ножах оказалась куда сложнее, нежели махать саблём в учебном поединке со стрельцом. Гишпанец не давал Алексашке никаких поблажек. Хищно пригнувшись, они мягко передвигались по кругу, нанося молниеносные удары или парируя их, то ускоряя, то замедляя темп боя. Со стороны их поединков напоминал испанский танец, который Федерико однажды продемонстрировал Алексашке на хорошем подпитии, когда тот угостил его романеей, виноградным вином высшего качества из отцовского винного подвала. Видимо, оно напомнило Ворону его далекую родину, и гишпанец закружился в таком неистовом танце, что Алексашка подумал, уже не сходит ли его приятель с ума.

³⁰ Гостиная сотня – русское купечество делилось на гостей, гостиную сотню (большой, средней и меньшей статьи), суконную сотню (большой, средней и меньшей статьи), черную сотню, слободы и посадских тяглых. К середине XVII века гости первых двух категорий стали самой привилегированной частью русского купечества. Они были освобождены от тягловых повинностей, могли свободно ездить за границу для торговли, имели право приобретать вотчины и были подсудны непосредственно царю.

Особенностью ножевого боя с использованием навахи было применение рукояти и таких предметов, как кафтан или шапка. Большая длина рукояти и ее изогнутая форма с металлическим шариком на конце позволяли наносить удары торцом, блокировать выпады противника. Кафтан наматывался на руку, что позволяло подставлять ее под удары клинка без опасения получить рану, одежкой наносились хлесткие удары по лицу или вооруженной руке, а еще можно было набросить кафтан на голову противника для его ослепления.

Никаких особых правил в поединке не существовало; все было нацелено на победу любой ценой. Если в схватке сходились бойцы разного мастерства и опыта, то бой заканчивался довольно быстро. Опытный боец мог поиздеваться и унижить противника, нанеся ему быстрый горизонтальный рез по лбу или рассечь губу или нос; этот удар Федерико называл «испанским поцелуем».

Ворон преподавал Алексашке несколько стилей гишпанского боя на ножах. Первым был баратеро, – деревенский стиль – который отличался прямолинейностью и мощными размашистыми движениями. Основное внимание в этом стиле уделялось быстрым и сильным ударам, уходам с линии атаки противника уклонами корпуса и сменой рук, держащих нож. Боец баратеро мог драться и безоружным. В таком случае он одну руку использовал для блокирования и захватов вооруженной руки противника, а второй наносил удары в голову.

Стиль хитано отличался быстрыми и короткими режущими ударами. В бою использовались разнообразные обманные движения, финты и уловки. Не зазорным считалось бросить в лицо противника горсть земли, песка или смеси табака с перцем, а то и плюнуть в него. Конечной целью поединка в хитано часто было не уничтожение противника, а выведение его из строя путем нанесения серьезных, но не смертельных ран – подрезание бицепса, икроножной мышцы, сухожилий на ноге, повреждение плечевого сустава, нанесение ударов в пах и голень.

Когда Алексашка с грехом пополам освоил эти два стиля, Федерико начал обучать его севильяно. Этот стиль был наиболее сложным. Он объединял в себе элементы баратеро и хитано в сочетании с техникой нанесения ударов, блокирования и передвижения из хорошо знакомого юноше сабельного фехтования. Уход с линии атаки проводился одновременно с ответной контратакой колющим ударом, бой велся с активным маневрированием, чтобы выбрать удобный момент для мгновенного нападения, и при малейшей возможности следовал рубящий удар по вооруженной руке противника.

Понятное дело, Алексашка не был для гишпанца серьезным соперником, хотя благодаря своей потрясающей гибкости и великолепной реакции он оказывал Ворону достойное сопротивление. Конечно, вместо настоящих навах они сражались деревянными копиями ножей, но Алексашка, приученный к осторожности во время боя благодаря фехтовальным урокам стрельца, не очень надеялся, что удар деревяшкой пройдет бесследно и безболезненно. И оказался прав – «укусы» деревянной навахи Федерико, пусть и редкие, оставляли синяки почище сабельных ударов.

Динь-дон, динь-дон... Дин-нь... дин-нь... Малый молоток выстукивал какую-то замысловатую мелодию, и сталь звучала как ямщицкие колокольчики. Алексашка забарабанил по дверному полотну – трам-м! трам-м! трум-м! трум-м! – и вошел в кузницу. Дверь не была заперта, но Федерико наказал Алексашке, чтобы тот обязательно предупреждал о своем появлении условным стуком. Юноша не очень понимал, как это поможет кузнецу, если появятся его враги, тем более – вооруженные, и однажды тот продемонстрировал ему, что станет с теми, кто задумает покуситься на его жизнь.

Рядом с наковальной всегда лежали заготовки ножей. Оставалось только отшлифовать их, отполировать и поправить лезвия, чтобы они стали острыми, как бритва.

– Смотри, – коротко сказал Ворон.

Он стоял спиной к двери. А затем резко развернулся, и Алексашке показалось, что из его рук выпорхнула стайка синиц – заготовки ножей уже прошли первичную обработку и из

черных стали голубовато-серыми. Юноша посмотрел на дверь, и от удивления у него отвисла нижняя челюсть – дверное полотно стало похожим на ежа! Клинки вошли в дерево так глубоко, что пришлось затратить немало усилий, дабы вытащить их из досок. Да уж, не позавидуешь злоумышленнику, которому вздумается застать врасплох кузнеца, занятого работой...

– Хорошо, что ты пришел, – сказал Федерико. – Работу я закончил, осталось лишь закалить заготовки, но время терпит, сделаю это завтра...

С этими словами он повернулся в сторону изрядно закопченной иконки Девы Марии, перекрестился на католический манер и достал из окованного жестью ларца, где хранил свои скудные сбережения, наваху.

– Было у меня неделю назад видение... ночью, – сказал он, пристально глядя на Алексашку. – Будто выросли у тебя крылья, и летишь ты с гусиным стадом в неведомую даль. Очнулся я и думаю – к чему это? Пораскинул мозгами и пришел к единственному выводу – уедешь ты из родного края, уедешь очень далеко и надолго. А что главное для кабальеро в пути? Надежное оружие. Прими эту наваху в знак нашей дружбы от чистого сердца.

Алексашка знал, что иногда Ворона заносит, и он такое выдает, что хоть стой, хоть падай. Иногда ему казалось, что его приятель – колдун. Впрочем, Федерико и не скрывал перед Алексашкой, что обладает странными способностями предсказывать будущее. Чего стоило его предсказание о том, что сгорят приказные палаты, лишь недавно отстроенные после большого пожара 1667 года, когда город выгорел почти целиком. Ворон даже рискнул сообщить о своих видениях коменданту архангельского порта, но тот лишь отмахнулся от него; мало ли что взбредет в голову какому-то «немцу» (так поморы называли всех иностранцев).

Будь на месте коменданта человек более решительный и не трусливый, висеть бы Федерико на пыточной дыбе. Ведь его запросто могли обвинить в умышленном поджоге приказных палат с помощью нечистого, который уже раз показал свою силу, спалив город на корню. Не может человек прозревать будущее, если он не святой, а на праведника гишпанец совсем не был похож. Скорее, наоборот – его мрачная внешность не вызывала доверия, к тому же, кузнецы испокон веков считались колдунами. Конечно, в это верили только древние старухи, но иногда поморы прислушивались и к мнению сумасбродных жонок.

Комендант испугался, что его накажут за ротозейство. Он обязан был отреагировать на то, что говорил гишпанец. Но не сделал этого. Когда беда уже случилась, он пожаловал вечером в кузницу Федерико и долго угрожал ему разными карами, если тот развяжет язык, а затем бросил на стол кошелек с несколькими золотыми и ушел, хлопнув дверью. Вскоре коменданта перевели в другое место по его просьбе, и история с предсказанием пожара в приказных палатах быльем поросла. Но Алексашка твердо ее запомнил; он только-только познакомился с гишпанцем и внимал его речам, как откровениям.

Алексашка не без душевного трепета взял в руки наваху и открыл ее. В длину она была не больше ножа Федерико. Если рукоять навахи гишпанского мастера была отделана накладками из слоновой кости, то на нож, собственноручно изготовленный Вороном, пошли пластины из моржового клыка. Он украсил рукоять латунными вставками, а по голубоватому клинку словно пошла изморозь.

– Это дамаск, – сказал гишпанец, пробуя лезвие на остроту своим огрубевшим пальцем. – Никому в Европе неизвестен секрет этой стали, а вот мой мастер-наставник умел делать великолепные клинки из дамаска. За что и поплатился.

– Почему?

– Кто-то из оружейных мастеров, соперничавших с моим наставником, написал на него донос в святую инквизицию. Его обвинили в чародействе, – ответил Федерико и помрачнел.

Алексашка не стал интересоваться дальнейшей судьбой оружейного мастера. Гишпанец уже рассказывал ему про инквизицию, и юноша знал, что происходит с теми, кто попадает в ее застенки. Похоже, эта тема была неприятна Федерико, потому что он нервно сжал кулаки, а на

его темном лице появилась гримаса ненависти. Но потом он спохватился, быстро сообразив, что в столь торжественный момент не стоит ворошить прошлое, и сказал:

– Хочу показать тебе, что может наваха из дамаска и заодно еще раз ее испытать.

С этими словами он подошел к деревянному верстаку в углу кузницы, сбитою из толстых дубовых брусков, положил на него две медные монеты стопкой и нанес по ним резкий и сильный удар острием. Алексашка опешил – нож пробил монеты и воткнулся в дубовый брус!

– Как видишь, клинок остался невредимым, а стопорная пружина выдержала нагрузку, – с удовлетворением молвил Федерико.

– Потрясающе! – воскликнул Алексашка.

– Не желаешь попробовать, как ведет себя мой подарок в схватке?

– Конечно, желаю!

– Что ж, тогда облачайся...

Они пошли в избу кузнеца, где Федерико дал Алексашке «бычий колет» – куртку из промасленной бычьей кожи с узкими рукавами. Сам он надел такую же. Толстую кожу колета нельзя было прорезать даже острейшей навахой. Кроме того, у колета был высокий воротник-стойка, защищавший шею. В последнее время они упражнялись уже не с деревянным, а с настоящим оружием. Поэтому колеты были исписаны клинками вдоль и поперек. Конечно, удары наносились легкие, – упор был на точность – тем не менее, любой из них мог нанести тяжелую рану. Но Алексашка уже владел навахой вполне прилично, и гишпанец был уверен в благополучном исходе поединков.

Они вышли на задний двор, который был обнесен высокой изгородью. Там находились два навеса; под одним хранился древесный уголь для горна в больших корзинах, а под другим – металл. Федерико покупал его только у англичан, которые привозили металлические заготовки по его заказу. Именно из аглицкого металла он делал ножи, которые не брала ржавчина.

– Начинаем? – спросил ворон.

– Начинаем! – уверенно ответил Алексашка.

Наваха так ладно сидела в ладони, будто он пользовался ею с давних пор. Похоже, гишпанец делал ее не просто так, а под руку Ильина-младшего. И это удалось ему в полной мере.

Сверкнули клинки, и началась схватка. Федерико сразу же предложил вихревой темп, но в этом вопросе перед Алексашкой у него не было преимуществ. Конечно, техника боя у Ильина-младшего немного хромала, зато он потрясающе быстро уходил из линии атаки, и тут же наносил молниеносный удар. Так продолжалось добрых полчаса, однако худой и жилистый Алексашка даже не вспотел и совсем не устал. Скорее, наоборот, – в нем проснулся неумный азарт и жажда победы. Но гишпанец словно почуял его настроение, которое в любой момент могло перерасти в ожесточенность и принести беду. Выбрав удобный момент, он отскочил на безопасное расстояние и с удовлетворением сказал:

– Баста! Сегодня у нас ничья: три пореза на твоем колете и три – на моем. Есть предложение отобедать, чем Бог послал. А заодно и обмыть мой подарок. У меня с прошлого года завалилась бутылка превосходного карибского рома. Подарок от английского купца, у которого я покупаю металл. Я берег ее для какого-нибудь важного случая, вот он и подвернулся.

– Наваха просто великолепная! – воскликнул Алексашка. – Чудо как хороша! Благодарю тебя от всей души! Ах, да, кстати... – Он порылся в своем кошельке, достал серебряную монету и вручил ее Федерико.

– Это еще зачем? – удивился гишпанец.

– У нас так принято. Ножи не дарят, а покупают. Не заплатишь за подарок, жди какую-нибудь напасть.

– Станный вы народ и обычаи у вас странные. Впрочем, о чем это я... Столько в мире стран, сколько и традиций. Некоторые нравы моей Испании тебе показались бы не просто странными, а отвратительными. Но это я понял только здесь, у вас...

Они направились в избу. И в этот момент раздался далекий звук большого церковного колокола. Его мощный медный голос поднялся ввысь, а затем тяжело упал на землю, дробя в крошку тонкий хрупкий лед на весенних ручейках. Басовитое гудение колокола проникало в глубину души, и от этого Алексашке почему-то стало тревожно. Он неожиданно поверил, – прозрел, как слепой милостью Божьей – что и впрямь в его судьбе назревают какие-то перемены, хотя ему уже сказали об этом и старушка, подарившая иконку с изображением Николая Чудотворца, и гишпанец.

Глава 5. Шпион поневоле

Юрий Кульчицкий сидел в небольшой белградской кахвехане и с огромным удовольствием пил крепкий кофе. Несмотря на то, что Белград был захвачен турками в 1521 году и город стал главным форпостом Османской империи на Балканах, кофейни в нем так и не прижились. Может, потому, что сербы, поначалу составлявшие большинство жителей Белграда (так они называли свою прежнюю столицу) терпеть не могли напиток оккупантов – скорее всего, из принципа – и отдавали предпочтение сливовице. В общем, что ни говори, а примерно два десятка кахвехане на весь город с населением в сто тысяч, в котором больше половины составляли турки, это совершенно мизерное количество.

Впрочем, этому странному факту Юрек быстро нашел логическое объяснение. Дело в том, что многие турки по службе или по работе большую часть времени проводили в возвышавшейся над Белградом крепостью Калемегдан, которая была построена из белого камня. Она располагалась в Верхнем городе, на холме при слиянии Дуная и Савы. Защищенная разливами могучих рек, оштетинившаяся во все стороны массивными зубчатыми стенами и башнями, как боевая дубина моргенштерн³¹ своими стальными шипами, опоясанная одним несокрушимым каменным кольцом вокруг другого от верха цитадели до прибрежных обрывов Савы и Дуная, крепость производила внушительное и грозное впечатление.

Калемегдан была плотно застроена казармами и домами офицеров гарнизона, в крепости находились арсеналы, мечети, тюрьма-зندان и казна, а кахвехане там встречались на каждом шагу. Поэтому по вечерам редко кто из османов посещал городские кофейни. В них сидели в основном сербы – те, что перешли на службу к завоевателям. Наверное, чтобы подчеркнуть, как сильно они отгурчилились.

К сербам турки благоволили, уж неизвестно по какой причине. Им даже доверяли высокие посты в Османской империи. За сто лет сербы дали империи тринадцать великих визирей, больше двадцати визирей, восемь адмиралов, ряд губернаторов провинций и множество чиновников.

Немного пообтершись в Белграде, Юрек понял, почему сербы (большой частью аристократы) так легко перешли на сторону своих поработителей, чтобы служить им верой и правдой. И не сильно удивился – на его родине это случалось сплошь и рядом. Ни шляхтич, ни сербский дворянин не воспринимали грязных и оборванных крестьян как братьев по крови. Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Это изречение было своеобразным девизом европейской знати во все времена.

Кохвехане, которую облюбовал Юрек, приютилась недалеко от мощных и высоких крепостных стен Калемегдана. Отсюда открывался отличный вид на реку Саву и на дома Нижнего города. На правом берегу реки лепились примыкающие к крепости дома, разноцветные крыши которых напоминали лоскутное одеяло. Когда выпадала свободная минута, Юрек любил бродить по живописным улочкам и переулкам старых кварталов, где чувствовался дух старины, где сохранились строения римлян, византийцев и арабов, некогда владевших этой местностью.

Первыми строителями города были кельты, затем римляне надстроили здесь свой город Сингидунум. После пятого века власть над городом перешла к Византии, а в девятом веке Белград вошел в состав Первого болгарского царства. Впоследствии город неоднократно переходил из рук в руки то к сербам, то к венграм, то к болгарам, пока его не захватили турки. Свое название Белград – «Белый город» – получил из-за крепости Калемегдан, стены которой были

³¹ Моргенштерн – шипастая дубина или булава с шипастым навершием. Наибольшее распространение получил цепной Моргенштерн, в котором шипастый шар соединялся с рукоятью посредством цепи.

сложены из белого известняка. Но турки поначалу назвали город Дар-уль-Джеhad – «Врата священной войны».

Левый берег Савы был болотистый, поросший лесом. Там строили мало, больно накладно было, хотя турки и намеревались убрать из Нижнего города мастерские, от которых было много шума и гари, и рынки, торговавшие лошадьми и сеном, и перенести все это хозяйство на левый берег реки.

Сербов под властью турок в городе осталось немало, в особенности ремесленников, и в меньшей степени торговцев, так как турецкие власти не разрешали сербам заниматься торговлей. Чтобы получить разрешение на торговлю, местным купцам приходилось вертеться выюном, раздавая бакшиши налево и направо. Больно много развелось в Белграде османских чиновников разных рангов, и каждый требовал мзду согласно своему статусу.

Это было большое искусство – дать мздоимцу столько, сколько ему положено, и не более того. Иначе вышестоящий начальник может возмутиться, что тот берет не по чину, и тогда жадный чиновник в лучшем случае потеряет доходное место, а в худшем – вместе с головой. Юрек быстро освоил эту «науку» и теперь плавал в торговом мире Белграда как рыба в воде.

Все сведения по истории и жизни в Белграде Юрек получал в тавернах. На работе он обычно носил турецкое платье, а вечером переодевался в одежду иностранного моряка и шел в порт, который в большой мере напоминал ему Галату. Благодаря знаниям многих языков, там он был своим. Изрядно отуреченный Белград был очень похож на Истанбул. Вывески на разных заведениях были такие же, как и в столице Османской империи: рынок «Ат-пазар», «Узун-чаршия»³², «Казанджийска чаршия», «Табакана», «Кахвехане»... Была в городе и площадь для торговли рабами; как же туркам без этого.

А уж мечетей османы понастроили – не сосчитать. Большая часть их стояла на месте разрушенных православных храмов, и нередко можно было наблюдать картину, когда серб преклонных лет, проходя мимо минарета, на котором завывал муэдзин, украдкой крестился. Он был уверен, что святость места, на котором был построен пышный царственный храм, не испоганить убогой халупой с полумесяцем на купольной крыше.

Юрек заказал еще одну чашку кофе, и в который раз не без тревоги обратил взгляд на дорогу, которая вела к крепости. Что-то запаздывает обоз, который он ждет с самого утра... Младен Анастасиевич, возглавлявший белградское представительство австрийской «Восточной Торговой Компании», проявил инициативу и передал в дар каймакаму³³ белградского пашалыка³⁴ комплект одежды для янычар, составлявших гарнизон Калемегдана, за исключением униформы старших офицеров, цена которой была чересчур высока, и шилась она по индивидуальным заказам. (Кстати, и одежда простых янычар тоже стоила недешево, так как ее кроили из тонких шерстяных тканей.)

Это патриотическое начинание турки встретили весьма благосклонно, и комендант крепости передал Младену Анастасиевичу список, в котором было указано количество солдат, размеры и форма одежды. Одежда была пошита в короткий срок, и теперь Юрий Кульчицкий должен был передать ее коменданту Калемегдана согласно акта приемки. Этим поступком Младен Анастасиевич убивал сразу трех зайцев: уменьшал налоговое бремя на компанию, становился вхожим в высокие кабинеты османских чиновников, ну а третий заяц... о нем сербский купец старался не распространяться.

Впрочем, башковитый Юрек быстро понял, почему компания пошла на такие большие расходы – теперь Младен Анастасиевич в точности знал, сколько солдат охраняют крепость. И

³² Чаршия – центральная торговая улица, обособленная торговая зона или квартал.

³³ Каймакам – в Османской империи исполнявший обязанности того или иного сановника, а также начальник каза – административной единицы, соответствовавшей вице-губернаторству.

³⁴ Пашалык – провинция или область (эйялет, санджак) в Османской империи, находившаяся под управлением паши.

не только количество простых янычар, но и число пушкарей (а значит, и орудий), так как их одежда имела некоторые отличия. А уж для кого эти сведения предназначались, можно было только гадать, хотя Юрек имел некоторые соображения на сей счет, да помалкивал. А вчера он получил подтверждение своим догадкам из уст... самого Младена Анастасиевича!

Сербский купец редко сидел на одном месте. Он путешествовал не только по землям, подвластным Османской империи, но и по городам христианской Европы. Компания богачей, завязывались новые коммерческие связи, а надежных людей, которые смыслят в торговых делах, не хватало. Поэтому Младен Анастасиевич не нагревал места, мотаясь, как заведенный. В Белграде, когда он отсутствовал, его заменял помощник, которого звали Горан Джокович; заместитель Младена постоянно был на рабочем месте в доме возле храма Святого Михаила, где находилось представительство компании.

Кроме сербов, коммерцией в городе занимались и евреи, которые имели в Белграде свою улицу, и держали в руках торговлю зерном. Жили они в огромном абхехаме (трехэтажной постройке с бесчисленным множеством комнат, кухонь и подвалов), неподалеку от паромной переправы из Белграда в Тимишоар.

Но наиболее мощным купеческим сообществом, насчитывавшим около двухсот человек, считалась дубровницкая колония, расселившаяся по берегу Дуная. А еще в Белграде занимались торговлей и ремеслами армяне, прекрасные ювелиры и золотых дел мастера, которые владели и банковским делом.

Собственно говоря, серьезный разговор между Юреком и Младеном Анастасиевичем как раз и начался с дубровницкой колонии.

– Нас начали теснить хорваты, выходцы из Дубровника, – озабоченно сказал сербский купец. – Торговать зерном им стало невыгодно из-за более оборотистых евреев, у которых хорошие связи в Истанбуле, и они организовали несколько мануфактур по производству тканей. Конечно, нашу компанию им не перебить, но такая конкуренция может принести нам убытки.

– Да, это скверно, – вяло согласился Кульчицкий.

Годы шли, пятилетний срок согласно договору, после которого он станет не просто свободным, а совершенно свободным, постепенно двигался в нужном направлении, и Юрека вполне устраивало его положение. Ему дали скромную комнатку в доме, принадлежащем «Восточной Торговой Компании», платили хоть и немного, но на еду и одежду хватало, и он чувствовал себя превосходно.

В принципе, он мог, наплевав на договорные обязательства, в любой момент покинуть Белград для того, чтобы добраться в родные края, но его останавливало отсутствие необходимого количества денег. Путешествовать с тощим кошельком – скверная затея. А тупо украсть деньги компании Юрек не мог – совесть не позволяла. К тому же он не сомневался, что по его следу пустят погоню, и скрыться от опытных ищек Младена Анастасиевича он не сможет.

Конечно, Юрек кое-что скопил за счет сделок, которые поручал ему провести Младен Анастасиевич. Кульчицкий умел торговаться; он не раз добрым словом вспоминал Александра Маврокордато, который, сам того не ведая, преподал ему несколько важных уроков ведения торговых дел. Но все равно это были сущие гроши. На них свое дело не откроешь, а отправишься в дальнейшее путешествие, приедешь домой гол как сокол. И что ему тогда делать в родных Кульчицах Шляхотских? Гордиться своим происхождением и хлебать тюрю?³⁵

– Но не об этом разговор, – продолжал серб. – С дубровницкой компанией мы как-нибудь управимся... Скажи мне, Ежи, не хочешь ли ты заработать много денег?

³⁵ Тюря – покрошенный хлеб, сухари или корки в подсоленной воде, сдобренные небольшим количеством постного масла. В более общем виде – кушанье из хлеба, накрошенного в квас, молоко или воду.

По приезде в Белград Юреку выписали документы, в которых он значился как Ежи Францишек Кульчицкий. Собственно говоря, Ежи – это имя Юрек по-польски. А Францишек – имя его отца.

Юрек насторожился. Ему не понравился ни вопрос (а кто ж не хочет?), ни заговорщицкий вид Младена Анастасиевича. Тут Кульчицкому сразу же пришел на ум следующий вопрос: почему серб не стал разговаривать с ним в конторе, а повел на берег Савы, подальше от людей?

– Деньги – это хорошо... – ответил он неопределенно.

– А большие деньги – еще лучше, – в тон ему ответил серб.

И умолк, испытующе глядя на Юрека. Похоже, он колебался – довериться Кульчицкому или не стоит этого делать. Тогда Юрек решил ему помочь.

– Вы лучше скажите, что нужно делать, и я все исполню в лучшем виде, – решительно сказал он, глядя прямо в глаза Младена Анастасиевича. – Не нужно ходить вокруг да около. Я вам многим обязан, а это значит, что вы можете мне довериться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.